

АНДРЕЙ КОНСТАНТИНОВ

БАНДИТСКИЙ ПЕТЕРБУРГ

18+

Бандитская Россия

Андрей Константинов
Бандитский Петербург

«Издательство АСТ»

2012, 2016

УДК 343.32
ББК 67.99

Константинов А. Д.

Бандитский Петербург / А. Д. Константинов — «Издательство АСТ», 2012, 2016 — (Бандитская Россия)

ISBN 978-5-17-115431-8

«Бандитский Петербург» – это самая полная криминальная история Северной столицы с момента ее основания до настоящего времени. «...в каком-то смысле книга „Бандитский Петербург“ для меня – это бесконечная литературно-исследовательская каторга, отбывая которую с каждым годом все труднее находить в себе силы продолжать работу... И все-таки, как мне кажется, тема „Бандитского Петербурга“, будучи сейчас не столь „спекулятивно-актуальной“, как это было в девяностые годы прошлого столетия, по-прежнему остается интересной... Истории многих героев не завершены, а значит – не дорассказаны. Так что книга все еще не закончена».

Андрей Константинов

УДК 343.32
ББК 67.99

ISBN 978-5-17-115431-8

© Константинов А. Д., 2012, 2016
© Издательство АСТ, 2012, 2016

Содержание

Авторское предисловие	6
Часть первая. Изнанка столицы империи	10
Часть вторая. Рожденные революцией. Крещенные блокадой	37
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Андрей Константинов

Бандитский Петербург

© А. Константинов, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Авторское предисловие

Я уже неоднократно высказывал ту мысль, что «Бандитский Петербург» принадлежит к числу тех книг, которые бесконечны, и которые можно писать всю жизнь.

Другое дело, нельзя сказать, что изначально именно такая задумка у меня и была. Когда я только начинал заниматься исследованиями бандитизма в отдельно взятом мегаполисе, мотивация у меня имелаась очень простая: я всего лишь работал в петербургской газете «Смена», в криминальном отделе, который сам и создавал. Это было мое направление работы – раз, работу я старался делать хорошо – два, и третье – я был абсолютно убежден, что по тому времени организованная преступность была одной из актуальнейших тем. В ту пору многие люди в нашей стране, равно как ведущие здесь свой бизнес иностранцы, столкнулись с новым для себя явлением и абсолютно не понимали, что это такое. Огромное количество граждан просто растерялось – такого же не было в советское время, а тут откуда ни возьмись появилось. И нужно было постараться более-менее доступным языком объяснить людям, что же происходит, какие у этого явления корни. Ибо эта, мягко говоря деликатная тема не должна была стать сектором умолчания.

К слову, самим словосочетанием «Бандитский Петербург» читатели обязаны вовсе не мне, а Владу Чертинову, который на тот момент (а первая статья с таким подзаголовком вышла в газете «Смена» в ноябре 1992 года) состоял в должности заместителя главного редактора. Мой вариант назывался «Петербург бандитский» – по аналогии с небезызвестной «Москвой кабацкой». Таким названием я хотел подчеркнуть, что как раз не весь Петербург у нас бандитский – это всего лишь один из сегментов его истории. Однако Влад посчитал, что «Бандитский Петербург» звучит как-то зазывнее, а я на такое предложение с легкостью согласился. В том числе, и потому, что увидел в нем другое противопоставление: бандитский Питер в отличие от Москвы – воровской...

Меня частенько спрашивают: «Какой вы представляете себе читательскую аудиторию „Бандитского Петербурга“? Для кого эта книга? Для силовиков? историков? бандитов?» И еще – «Имеет ли исследование „Бандитский Петербург“, пускай невеликий, но шанс, что-то изменить в людях, которые его прочтут?»

Ну, что тут сказать... За полтора десятилетия суммарный тираж «БП» давно перевалил отметку в миллион экземпляров. Безусловно, в нашей стране не наберется миллиона историков, даже той же сотни тысяч не наберется. Следовательно, подавляющее большинство читателей книги, за исключением самих бандитов и историков, – это простые нормальные граждане, которым всё это дело просто интересно. Поскольку в 1990-е годы бандитизм был одной из важнейших составляющих нашего общественного устройства и нашего образа жизни, то не писать об этом, делая вид, что этого практически не было и нет, это, во-первых, глупость, а во-вторых, лицемерие.

Притом, что «БП» – совсем не художественная вещь, я старался вести повествование не «научнообразно», а живым разговорным языком. И делал это исключительно для того, чтобы читателю было проще его воспринимать. Безусловно, теперь, по прошествии многих лет, желающих и могущих одолеть эдакую бумажную махину гораздо меньше, нежели в самом начале моей работы, когда людям подобная информация была жизненно необходима – как справочник, как школа выживания. В 1990-х «БП» читали и наши бизнесмены, и иностранные, а сейчас, ежели вдруг кого-то убьют и коллеги мне звонят за комментариями, я им говорю: «Так вы откройте книгу, не ленитесь, там история этого человека подробно описана». «Ой, а ведь действительно!»

Что же касается «шанса на изменение»... Одни люди пойдут в бандиты, другие уедут в эмиграцию, третьи пойдут в книжный магазин покупать следующую книгу Константинова, четвертые подумают, нельзя ли записаться в такую политическую партию, чтобы что-нибудь исправить. Вот эта четвертая группа, вероятно, будет самая малочисленная, но в то же время – самая важная. Если капать из пипетки по капельке в правильную точку, то через сто тысяч лет, может быть, вырастет маленький сталактит. На мой взгляд, «капать из пипетки» – это единственное, что нам остается делать.

Замечу, что реакция на то, что я делал, у многих политиков, общественных, культурных деятелей в ту пору была такая, что, дескать, не стоило бы об этом говорить вообще. А мне, в свою очередь, на подобные упреки всегда хотелось ответить, что организованную преступность не я придумал и не я ее сделал такой, что ее не замечать и не фиксировать невозможно. Это не мне и не журналистам вообще надо упреки предъявлять, не на зеркало обижаться. Уж если с кого-то что-то спрашивать, то, наверное, с лидеров: как же это вверенный вам город, вверенная вам страна оказалась в таком состоянии? Не стоит путать причины и следствия. Прилепить ярлык несуществующего явления невозможно. Ну, вот начнем мы сейчас кампанию со слоганом «Петербург каракулевый» – потратим на это массу денег и сил. Но как только мы перестанем развешивать рекламу на билбордах, люди тут же об этом забудут. А с «Бандитским Петербургом» совсем другая вышла история...

Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что сколько бы не выходило переизданий, как бы не дополнялась, не перепроверялась информация, эта книга все равно не свободна от каких-то ошибок, неточностей. Но у такого рода вещей так всегда. Не хочу себя сравнивать с великими, но, наверное, не секрет, что у Солженицына в «Архипелаге ГУЛаг» есть много недостоверного. А как без этого? Он работал с людьми, записывал рассказы, люди ошибались... Или взять Пушкина, которого я считаю предтечей русского журналистского расследования: историки не слишком высоко оценивают его «Историю Пугачева» с точки зрения именно исторической. Но в том-то все и дело, что это был не исторический труд, это была журналистика того времени, просто формата еще не существовало, а Пушкин это уже сделал. В этом его заслуга, а не в точности фактов. Так и с «Бандитским Петербургом». Учитывая условия, в которых я работал, о какой абсолютной точности можно было говорить? Несмотря на то, что у меня были источники в правоохранительной, в бандитской среде, – слава Богу, что вообще хоть что-то получалось... У меня даже был случай, когда по поводу именно этой книги мне передали комплименты от Лихачева. Я не могу стопроцентно утверждать, что они были произнесены, потому что сам я с ним не разговаривал. Но одна его аспирантка однажды сказала, что Дмитрий Сергеевич высоко оценивает эту работу и просил передать мне комплименты...

Кстати говоря, впоследствии на книжном рынке вышло множество подражаний: «Бандитский Крым» появился, «Одесса бандитская», «Москва бандитская». Но «Бандитский Петербург» был первым, и он остался, люди его не забывают – конечно, молодежь его уже похуже знает, но все равно название на слуху. А остальное прошло и сгинуло. Потому что занимались этим именно подражатели, не те люди, для которых эта работа была принципиально важна. У меня какое-то недоумение по их поводу возникало – мне бы, например, никогда не пришло в голову чье-то, условно говоря, изобретение, использовать. Хотя это и не мое изобретение. На лекциях курса «Журналистское расследование», который мы вот уже много лет подряд читаем на журфаке и юрфаке, я всегда рассказываю студентам про Владимира Осиповича Михневича – русского журналиста второй половины XIX века. Я делаю это сознательно, однако вовсе не для того, чтобы, условно говоря разделить с ним ответственность. А потому что мне иногда приходилось слышать совершенно дикие вещи про то, что вот раньше, мол, до 1917 года, были настоящие журналисты, которые писали о том, насколько хорош Петербург майским утром.

Так говорят люди, которые не слишком хорошо знают историю. На самом деле раньше были такие люди, как Михневич. (Он, кстати говоря, не одни только «Язвы Петербурга» написал, у него есть замечательный справочник «Петербург весь на ладони», есть потрясающая книга-расследование «История карточной игры на Руси»). Да и не только у Михневича существовали работы по этой теме – школа криминального очерка в России была очень сильной. Так что не стоит говорить о том, что раньше эта тема была никому неизвестна и не нужна. Ерунда это. Михневича даже переиздали в 2003 году, настолько он хорошо тогда все написал.

Конечно, сейчас уже нет такого интереса к «Бандитскому Петербургу», как в 1990-е годы, но я все равно убежден, что работу нужно было продолжать. В любом случае, как мне кажется, это исследование не может быть закончено одним лишь волонтаристским решением. Долгие остановки существовали всегда – чтобы накопить материал, осмыслить его. Но поскольку само явление не исчезло, а мутировало в разные интересные формы, работа закончиться не может. Не исследованы многие исторические пласты – скажем, то, что творилось в блокадном Ленинграде, не кончились биографии многих героев, и очень интересно наблюдать, как их судьбы складываются – у кого в тюрьме, а у кого и на свободе с большими деньгами. Сейчас какая-то пауза будет, а дальше как Бог даст. Я не собираюсь становиться историком, детальным исследователем мелочушек, но исчерпать эту тему трудно. Мой друг и очень уважаемый мною человек, писатель Михаил Веллер сказал очень важные для меня слова: «Андрюха, „Бандитский Петербург“ – знаковая вещь, и ты ей можешь гордиться». А Веллер такой человек, который не будет говорить того, чего не думает на самом деле, поэтому слова его для меня особенно ценны...

Я горжусь этой работой, нисколько не стесняюсь ее, не считаю, что перед кем-то виноват. Не считаю, что виноват перед городом, хотя мне иногда приходилось слышать упрек, что я воспеваю, романтизирую преступный мир. Тут мне сразу хочется спросить: «А вы книгу-то читали?» То же самое, кстати, и с фильмом «Бандитский Петербург» произошло – тогда мне вменяли в вину, что слишком симпатичным получился Антибиотик, главный злодей. Ну, так я отвечал на это, что в фильме «Семнадцать мгновений весны» очень симпатичным получился Мюллер, но не станете же вы говорить, что Лиознова воспевала нацизм. Конечно, я никого не воспевал. Когда огромное количество и коллег, и официальных людей боялись назвать вещи своими именами, я, собственно говоря, написал: «Вот эти, эти и эти люди – бандиты: у них такой-то генезис, такое-то расположение и так далее». А если кто-то желает видеть в моем исследовании желание опорочить город, так есть люди, которые, посмотрев на «Маху обнаженную» Гойи, увидят голую бабу...

Вообще, я считаю, что лишних знаний не бывает. Задача журналиста – дать обществу информацию, а общество пусть само решает, что с ней делать. И вот как раз в этом смысле у меня немного печальные выводы. Иногда возникало такое странное ощущение, что общество устраивает то, что происходит. Книги «Бандитский Петербург» выходили не самыми маленькими тиражами, но никакого особенного давления на себя я не испытывал. Какое-то бурчание – да, раздавалось, не всем я нравился. Когда мои первые очерки выходили еще в газете «Смена», Собчак пламенную речь произносил с трибуны Мариинского дворца и стучал газетой по трибуне. Но это не тот эффект, который, как мне кажется, подобные тексты должны вызывать. Нормальные люди все это читали, говорили «Ну надо же!» – и шли спокойно спать. Не было порыва что-то немедленно сделать, что-то изменить. Как вот взорвали поезд в Испании – и тут же люди вышли на массовый митинг против террора. А у нас не было лозунгов «Мы говорим „нет“ бандитизму». Это меня удивляло и огорчало. Значит, бандитизм не был для общества чем-то таким, с чем невозможно жить.

И еще одна вещь в свое время меня очень опечалила. К 2000 году период гангстерских войн закончился. Когда вышел фильм «Бандитский Петербург», то, о чем в фильме говорилось, стало уже историей. Началась великая бандитская демобилизация. Так вот: я считаю, очень плохо, что этот костер догорел сам по себе, а не правоохранительные органы его затушили. Это страшное явление закончилось, как заканчивается сезон года, естественным путем, а не потому, что ему противостояли те, кто должен ему противостоять. Меня никто не переубедит в том, что это было как-то по-другому, потому что все происходило на моих глазах. Я видел множество рубоповских отчетов о том, что они пересажали сотни группировок, но только почему-то группировок этих меньше не становилось. Вот что по-настоящему грустно.

Меня часто также упрекали в том, что я делаю рекламу бандитам, что я на них работаю. Перечисляли практически всех крупных авторитетов: Костю Могила, Мирилашвили. Чуть ли не пресс-секретарем Кумарина меня называли. Это смешно. Говорить такое могли люди, которые не понимали, как мне удастся с этими людьми выдерживать баланс отношений, вступая с ними в диалог. Но, послушайте, если у вас не получается или вы боитесь подходить так близко к бандитам, не спешите делать выводы по поводу тех, у кого получилось. Ни на кого из бандитов я никогда не работал. Достаточно часто у меня возникали конфликты с этой средой вплоть до прямых угроз. Эти люди ведь очень по-разному себя вели. Кумарин, допустим, согласился на интервью, а Костя Могила сказал: «Нет, я интервью не дам, давай я тебе все расскажу потихоньку, а ты как будто сам это все узнал». А были и такие, как Шевченко покойный, которые говорили: «Вы стоите на пути моего бизнеса, моей организации, так что советую подумать». Такое тоже слышать приходилось. И на милицию я не работал, не был милицейским сливом. Свою работу я делал сам и по своей воле. Делал ее искренне и честно. Именно поэтому мне за эту работу не стыдно...

Засим, остаюсь искренне Ваш, Андрей Константинов

Часть первая. Изнанка столицы империи

...Много легенд ходит о том, как был основан Петербург. Говорят, например, что, когда 16 мая 1703 года Петр I начал копать первый ров, – появился в небе над государем орел, которого сумел подранить выстрелом из ружья некий ефрейтор Одинцов. Петр развеселился, счел поимку орла добрым предзнаменованием, перевязал птице лапы платком и посадил себе на руку... Хорошее настроение не покидало царя до вечера, когда началось большое гуляние, сопровождаемое пушечной пальбой...

Веселился царь, веселилось его «кумпанство», а по всей России известие о строительстве нового города вызывало проклятья и слезы. Уже к осени 1703 года на строительство Петербурга было согнано около двадцати тысяч «подкопщиков» – так в те времена называли землекопов. Однако через год Петр, недовольный темпами строительства, велел каждый год сгонять на работы не менее сорока тысяч человек. Землекопы приходили к берегам Новы минимум на два месяца, работая от рассвета до заката. Учитывая длинные летние дни – работали они почти без отдыха и умирали сотнями от переутомления и недоедания. Цифры погибших при строительстве Петербурга называют разные – 60, 80 и даже 100 тысяч человек, на самом деле в то время умерших просто не считали. Естественно, люди бежали и с самого строительства, и по дороге на него. Иногда в бегах числилась чуть ли не третья часть всей рабочей силы, поэтому решено было вести рабочих людей (как правило, это были крестьяне со всей матушки-России) в Петербург закованными в кандалы. Кроме того, на строительстве активно использовались солдаты-дезертиры и пленные шведы. Из-за всего этого, наверное, и ходят до нашего времени по Питеру мрачные легенды о том, что стоит он на костях каторжников, бандитов и разбойников, чьи неуспокоившиеся души продолжают творить в городе злые дела. Некоторые из этих старых легенд были упомянуты в свое время Алексеем Толстым в романе «Хождение по мукам»: «Еще во времена Петра I дьячок из Троицкой церкви, что и сейчас стоит близ Троицкого моста, спускаясь с колокольни, впотьмах, увидел кикимору – худую бабу и просто-волосую, – сильно испугался и затем кричал в кабаке: „Петербургу, мол, быть пусту“, – за что был схвачен, пытан в Тайной канцелярии и бит кнутом нещадно.

Так с тех пор, должно быть, и повелось думать, что с Петербургом нечисто. То видели очевидцы, как по улице Васильевского острова ехал на извозчике черт. То в полночь, в бурю и высокую воду, сорвался с гранитной скалы и скакал по камням медный император. То к проезжающему в карете тайному советнику липнул к стеклу и приставал мертвец – мертвый чиновник. Много таких рассказней ходило по городу».

Между тем реальных разбойников и бандитов в России периода строительства Петербурга было предостаточно. Причем, вопреки часто бытующему мнению, разбоем и воровством занимались отнюдь не только беглые крестьяне. Еще в 1694 году в Москве была раскрыта и ликвидирована, выражаясь современным языком, «бригада» братьев Шереметьевых, которые вместе с князем Иваном Ухтомским, Львом и Григорием Ползиковыми, Леонтием Шеншиным и другими благородными господами приезжали «...среди бела дня к посадским мужикам и дома их грабили, смертное убийство чинили». Кстати, благородных бандитов наказывали совсем не так жестоко, как «подлый люд», – те же Шереметьевы были освобождены на поруки и переданы «для бережения» боярину Петру Шереметьеву – правда, с «казненными» (т. е. подрезанными) языками. Как все это напоминает день сегодняшний, не правда ли, Читатель? Россия меняется, а вот повадки российские... М-да... Чиновники конца XVII века были коррумпированными и жадными не менее нынешних – в том же 1694 году некий Федор Дашков совершил акт государственной измены и попытался бежать к королю Польши, однако на границе его взяли, допросили и послали в кандалах в Москву, в Посольский приказ (по подследственности, так сказать). В столице, однако, Дашков был... освобожден, поскольку догадался

дать думскому дьяку Емельяну Украинцеву 200 золотых¹. ... Коррупция и казнокрадство процветали на фоне волны грабежей и разбоев, захлестнувших страну. В 1705 году знаменитый прибыльщик Курбатов писал Петру I: «В городах от бургомистров премногие явились кражи вашей казны. Да повелит мне Ваше Величество в страх прочим о самых воровству производителях учинить указ, да воспримут смерть, без страха же исправить трудно». Обострение криминальной ситуации одновременно снизу и сверху, естественно, вынудило Петра лично озаботиться «лучшим устройством» полиции. Считается, что петербургская полиция получила свое начало одновременно с основанием города. Поскольку Петербург был заложен на территории Ингерманландской провинции², которой управлял князь Меншиков, то он и сосредоточил первоначально в своих руках всю полицейскую власть. Светлейший был обязан: «и по городу и по острогу в воротах, и по башням, и по стенам караулы держать неоплошно; чтобы караулы были в указанных местах во дни и ночи беспрестанно, чтобы в городе нигде разбою и татбы, и душегубства и иного никакого воровства и корчмы, и зерни и табаку не было. А буде какие люди учинут красть и разбивать и иным каким воровством воровать, велеть таких людей иметь и расспрашивать, и по ним сыскивать; и учинить им по соборному уложению, кто чего доведется».

Петербург строился по образцу благоустроенных европейских городов, предполагалось, что значительная масса населения будет жить на сравнительно небольшом пространстве. При этом большая часть этого населения состояла из людей неблагонадежных, потенциально криминальных слоев, поэтому новому городу нужна была сильная, энергичная, хорошо дисциплинированная полиция, какой в русской традиции не было. В древние времена на Руси община оберегала сама себя, позже князья наделили полицейской, судебной и фискальной властью воевод и тиунов, которые объективно были не в состоянии защитить путников и купцов от разбоев и грабежей на дорогах – как больших, так и проселочных. Потом судебно-административными центрами в России стали «Разбойный приказ», которому подчинялись губные старосты и целовальники, Земские дворы и избы, Судебный приказ и Съезжие избы. Поэтому Петр Великий учредил Петербургскую полицию по образцу немецких городов. Во главе полицейского управления он поставил генерал-полицмейстера, подчиненного Сенату. Первым генерал-полицмейстером Петербурга стал зять князя Меншикова генерал-адъютант португальского происхождения Антон Девиер. От Петра Девиер получил инструкцию из 13 пунктов, в которых царь сформулировал особо беспокоившие его проблемы – в частности, Девиеру предписывалось пресечь разбой и грабежи, которые случались среди бела дня даже на главных улицах. В город на Неве со всех концов государства хлынули воровы и разбойники, которые растворялись в бесчисленных притонах и игорных домах. Их ловили, казнили, клеймили, бросали в тюрьмы, высылали, но меньше их почему-то не становилось, что сильно озадачивало Петра. Для «филтрации» городских жителей царь затеял перепись населения столицы, надзор же за горожанами был поручен старостам и десятским. Десятские обязаны были также выявить подозрительные дома, где много пили, играли в азартные игры, а также занимались «другими похабствами». О таких притонах десятские обязаны были доносить в полицмейстерскую канцелярию. Однако вместо одного закрытого притона через несколько дней появлялась пара новых. По свидетельству очевидца, в Петербурге тогда по улицам и площадям постоянно слонялись «гуляющие люди», основными занятиями которых были воровство, пьянство и разгул. Положение стало

¹ В те времена это были огромные деньги. А в конце 1995 года один знакомый адвокат сказал мне по секрету: «Знаешь, сколько стоит освободить невинного человека из тюрьмы? Восемь тысяч долларов. Это притом, что судье даже не нужно закон нарушать».

² Местечко, кстати говоря, было совсем не тихое. В то время около берегов Балтийского моря шатались многочисленные шайки карелов, совершавших разбой, грабежи и убийства. И творя при этом бесчисленные злодеяния. Эти банды не щадили ни пола, ни состояния, ни возраста. По некоторым свидетельствам, они сдирали кожу с живых людей, вырезали внутренности, забивали в пятки гвозди. Их шайки достигали численности 50–100 и даже 200 человек. Они состояли в основном из беглых холопов, бездомных горожан и обнищавших крестьян. Но попадались среди них и преступные потомки некогда славных родов.

настолько серьезным, что в конце концов на всех улицах были установлены рогатки или шлагбаумы, которые опускались с одиннадцати часов вечера и поднимались лишь на рассвете. В этот период времени беспрепятственно пропускались лишь знатные персоны, команды солдат и врачи. «Подлые люди» могли ходить ночью лишь в случае крайней нужды и не более трех раз, в противном случае их брали под стражу. Фактически такое положение очень напоминало современный комендантский час.

Однако несмотря на все принимаемые меры криминогенная обстановка оставалась крайне серьезной. 22 февраля 1711 года был учрежден правительственный Сенат, который почти сразу же издал указ против воров и разбойников, которых рекомендовалось вешать на том месте, где их поймали. (Сегодня подобные меры борьбы с преступностью предлагает возродить господин Жириновский, претендуя, видимо, на лавры Петра. Лидер ЛДПР, правда, упускает из вида одно обстоятельство: как ни странно, несмотря на всю жестокость полицейских мер, преступность при Петре неуклонно росла...) Для выявления злодеев Петр учредил государственную фискальную службу, а в августе 1711 года некто старик Зотов взял на себя звание государственного фискала. Так закладывались в Петербурге традиции агентурной работы – именно в этой сфере русская полиция очень скоро стала одной из самых сильных в мире...

Но все это еще впереди, а тогда, при Петре, в России настала эпоха настоящего уголовного «беспредела». В 1710 году появилась шайка некоего Гаврилы Старченка, численность этой банды доходила до 60–70 человек. Прекрасно вооруженные, эти разбойники грабили монастыри, забирали лошадей у крестьян, предавая людей мучительной смерти, – известны случаи, когда шайка Старченка сжигала крестьян в печах, словно это были не живые люди, а дрова... Часто банды сколачивались из беглых солдат, хорошо обученных и вооруженных, бороться с такими формированиями было чрезвычайно тяжело даже регулярным войскам³. В 1719 году в окрестностях Петербурга, под Новгородом, в Можайском и Мещовском уездах действовали шайки по 100–200 человек. Эти банды отличались прекрасной дисциплиной, почти все разбойники имели верховых лошадей и умели действовать в конном строю. Такие банды могли уже захватывать не только села, но и города – в том же 1719 году разбойники ворвались среди бела дня в город Мещовск и освободили из тамошней тюрьмы своих «братков».

Чем же было вызвано такое резкое обострение криминогенной ситуации в Петровскую эпоху? Говорят, что в Древнем Китае существовало проклятие: «Чтоб ты жил в эпоху перемен!» Любые перемены в обществе, а тем более перемены кардинальные, революционные способствуют криминализации страны: люди теряют уверенность в сегодняшнем, а тем более завтрашнем дне, рушатся планы, судьбы, меняются уклады жизни. Часто теряются привычные источники доходов, но обязательно возникают новые расходы. Время становится динамичным, авантюрным, оно выбирает себе новых героев... Исторические параллели – вещь, безусловно, опасная, часто ими злоупотребляют и спекулируют – но Уважаемый Читатель может судить сам – разгул преступности в России, и в Петербурге в частности, повторится и после революции 17 года, и после перестроечно-демократических преобразований 80–90-х годов уходящего столетия. Вывод получается любопытным – для расцвета уголовщины важен сам факт серьезных перемен в обществе, само их наличие, а не политическая направленность этих перемен. Кстати, и прогрессивные, и регрессивные перемены способствуют установлению атмосферы чиновничье-административного «беспредела» – когда мы дойдем до времен более поздних, я надеюсь, что читатель сможет сам в этом убедиться...

А пока вернемся в эпоху Петра. Чуть ли не самой большой проблемой на пути реформ и нормального функционирования государственного управления стало «ни с чем не сравнимое

³ И снова вспоминается день сегодняшний – почти в каждой серьезной питерской группировке или банде есть бывшие сотрудники спецслужб, консультирующие «братков» или даже непосредственно участвующие в совершении преступлений. На банды также работают и действующие сотрудники правоприменительной системы – стоит ли тогда удивляться столь малой эффективности так называемой борьбы с организованной преступностью.

закоренелое и безграничное лихоимство и мздоимство». Размах взяточничества и коррупции был таков, что в 1714 году Петр I был вынужден издать специальный указ: «А кто дерзнет сие (лихоимство) учинить, тот весьма жестоко на теле наказан, всего имения лишен, шельмован, или и смертью казнен будет». (Я далек от того, чтобы сравнивать Петра Первого с Ельциным, однако в этом месте нельзя не вспомнить знаменитый указ Бориса Николаевича «О борьбе с коррупцией» – вызвавший в момент издания много шума, этот указ был успешно «забыт» уже спустя год с небольшим.)

Одним из многочисленных заимствованных на Западе нововведений стало учреждение полиции. И в допетровское время, и в первые десятилетия царствования Петра Алексеевича задачи по поддержанию правопорядка на Руси выполняли разные административные и общественные структуры, однако специального органа, занимающегося сугубо полицейскими делами, вплоть до 1718 года не было. Меж тем потребность в учреждении такового диктовалась не только заграничным опытом Петра, но и объективными причинами: должности губных старост и сыщиков были отменены указом 1702 года, а дела ликвидированного годом ранее Разбойного приказа разосланы «которые куда пристойно». Опять же институт губернаторства только создавался, а потому был не в состоянии заниматься охраной общественного порядка и борьбой с преступностью. А последняя неуклонно росла, хотя скорый на расправу царь и рекомендовал вешать воров и разбойников прямо на том месте, где они были пойманы.

Строительство столицы требовало постоянного надзора, но занятому общегосударственными делами губернатору Меншикову было явно не до того. Созданная в 1705 году Адмиралтейская верфь взяла на себя часть правоохранительных функций, но после того, как адмиралтейский советник Александр Кикин оказался причастным к делу царевича Алексея, Петр, которому всюду мерещились заговорщики, более не доверял Адмиралтейству. Теперь надежды на обновление он связывал с полицией, которая «есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобства».

Как и многие другие преобразования Петра, полицейская реформа проходила под влиянием импульса, без четкого плана и подготовки. С одной стороны, полиции были даны полномочия безгранично вмешиваться в жизнь граждан, а с другой – эти обязанности сводились к таким, казалось бы несвойственным этому институту вещам, как наблюдение за застройкой, предотвращение пожаров, контроль за соблюдением санитарных норм и прочая.

Особую головную боль доставлял розыск беглых рекрутов, крепостных и всех тех, кто покинул место жительства без разрешения властей. А резкому увеличению количества таких способствовали введенные Петром подушная подать и рекрутские наборы. Простой люд никак не мог взять в толк, почему раньше налоги платились «со двора», а теперь с каждой мужской души. Ну а по рекрутам, уходящим на пожизненную службу, плакали, как по покойникам: по дороге в армию их сопровождала охрана с колодками, а по указу 1712 года рекрутам предписывалось накалывать на левой руке кресты и натирать их порошком, чтобы по тем знакам легче было ловить беглецов.

Строящийся Петербург растворял в себе массу пришлых людей. Для контроля над их передвижением ввели паспорта и покормежные письма, но полиция не успевала учитывать всех, и столица оказалась наводнена разного рода «мутными» личностями. Наделенные судебными функциями полицейские канцелярии на первых порах играли роль скорее административных органов и, в основном, наблюдали за тем, чтобы во время церковных праздников не устраивались увеселения, и не шла торговля спиртным, а горожане не держали в своих домах посторонних свыше установленного срока. Но, пожалуй, главная проблема полиции петровской эпохи заключалась в том, что ее служащие, будучи обременены огромным количеством обязанностей и полномочий, не имели – ни профессионального опыта, ни должного образования. Да еще и получали за свою службу грошовое жалованье. По этим причинам полицейские

юной российской столицы, – увы! – не могли «давать пример добропорядочного поведения», как это мечталось реформатору Петру.

И все же, если уж сравнивать прилагаемые усилия по борьбе с коррупцией в эпоху Петра и во времена нынешние, то нельзя не признать, что Петр I действовал гораздо решительнее, чем первый российский президент. Царь-преобразователь не побоялся казнить подловленного на взятке князя Гагарина и некоторых других весьма высокопоставленных чиновников, при Ельцине же возникла традиция не «сдавать» людей из элиты. Однако, несмотря на казни, каторгу и прочие ужасы правоприменительной системы начала XVIII века, Петр так и не смог ни искоренить лихоимство, ни обуздать преступность... Ну а после смерти великого царя – само собой разумеется, еще долгие годы воры и разбойники в новой столице и ее окрестностях творили свои черные дела без особой опаски. В начале тридцатых годов XVIII века, в царствование Анны Иоанновны, ситуация настолько обострилась, что для розыска воров и убийц была создана специальная войсковая группа под командованием подполковника Редкина. Этот brave подполковник только в 1732 году задержал 440 человек по подозрению в совершении различных преступлений. Из этих задержанных двадцать были признаны убийцами и казнены, пятнадцать – ушли на вечную каторгу и сгинули там, восемьдесят пять воров получили кнут и батоги, после чего их отпустили с миром, шестеро, идентифицированных как дезертиры, были отконвоированы в родные части. 14 человек умерли под караулом, не дождавшись разбирательства, – что свидетельствует о том, что условия предварительного заключения в те веселые времена были, прямо скажем, не слишком комфортными... (Еще 10 из этой компании были «отосланы к суду», их дальнейшая судьба неясна.) Но двести девяносто задержанных были оправданы и отпущены, не понеся никакого наказания (кроме, естественно, предварительной отсидки). Эту цифру – двести девяносто из четырехсот сорока, можно воспринимать двояко: с одной стороны, она свидетельствует о низкой эффективности усилий «специального отряда быстрого реагирования» того времени, а с другой – опровергает бытовавший миф о том, что в России, мол, спокон веков – попал в тюрьму – значит, преступник...⁴

Ну а что касается отряда подполковника Редкина, то, судя по всему, результаты его деятельности удовлетворяли высшие власти империи. Brave рубака гонялся за ворами и разбойниками еще несколько лет, неуклонно повышая свои показатели: в 1736 году его почтенные схватили уже восемьсот тридцать пять человек, из которых два были казнены, сосланы – 37, выпороты и отпущены – 157, 21 дезертир был отправлен по месту службы, ну а в «предварилровке» скончалось 26... Четыреста девяносто два человека были отпущены со словами «ошибка вышла, браток». А может быть, и вовсе безо всяких слов – и то ладно, что отпустили... Правда, возникает еще одна мысль, когда читаешь замечательные показатели подполковника Редкина: а не дутые ли цифры задержанных? Статистика во все времена служила благой цели успокоения власть имущих. Сомнения такие возникают вот по какой причине – несмотря на рейды Редкина от разбойничьих шаек в окрестностях Петербурга настолько житья не стало, что в 1735 году Сенат, заслушав леденящий душу доклад полицмейстерской канцелярии, постановил начать вырубку леса от Петербурга до Соснинской пристани. (Любопытный, кстати, факт из того времени: дикие лесные разбойники... послали три письма фельдмаршалу Брюсу с требованиями денег и обещаниями самых мрачных перспектив в случае отказа платить... Вот оно как было-то, на фельдмаршалов «наезжали».) На тридцать сажен по обе стороны дороги на Новгород лес также подлежал вырубке, потому что чуть ли не на каждой версте поджидали путников угрюмые воровские компании. Против разбойничьих шаек, как правило, посылались

⁴ Кстати, об эффективности СОБРов... После того как в начале апреля 1995 года членами «казанского» преступного сообщества был убит сотрудник РУОПа старший лейтенант Троценко, СОБР и РУОП, поставив на уши весь город, задержали несколько сотен (!) подозрительных личностей. Сколько народу было «отметелено» при задержаниях, сколько побито посуды в кабаках, сколько раздавлено пейджеров и радиотелефонов! А уже через несколько дней почти все (!) задержанные оказались на свободе.

войска, которые вовсе не всегда выходили победителями из кровавых жестоких стычек. Наглость питерских воров дошла до того, что в 1740 году они убили часового в Петропавловской крепости и украли несколько сотен рублей казенных денег...

В 1741 году на престол взошла императрица Елизавета – «дщерь Петрова». Впрочем, «взошла», пожалуй, термин не совсем точный, скорее она силой была возведена на трон гвардией. Ну а поскольку за все на этом свете надо платить, пришлось Елизавете во время своего правления закрывать глаза на художества своей гвардии. Офицеры, сержанты и солдаты при Елизавете вытворяли такое, что оторопь берет. Видно, твердо уверены были служивые в своей неподсудности и безнаказанности. Сведения о «беспределе» армии в то время дает Соловьев: «Чаще всего заводителями беспорядков, виновниками преступлений в царствование Елизаветы являлись люди из войска. Сила, даваемая оружием, вела грубых людей к тому, чтобы пользоваться этой силой против безоружных сограждан».

Многое стоит за этими скупыми строками. Бесчинства военных, решивших, что пришло время насладиться плодами совершенного ими дворцового переворота, как правило, не доходили до суда – по крайней мере в тех случаях, когда преступления совершались офицерами. Военные грабили прямо на улицах, а в некоторых ситуациях не стеснялись и вламываться в дома богатых купцов, вырезая целые семьи... Да и не только купцы страдали – в самом начале царствования Елизаветы в Петербурге караул, которому было положено охранять дом графа Чернышева, разграбил этот самый дом и убил малороссийского шляхтича Лешинского, пытавшегося остановить солдат... В те времена трактирщики и хозяева постоялых дворов часто вынуждены были бесплатно давать кров, пищу и вино людям со шпагами – такое вот «мушкетерское» время наступило в России. Взамен постояльцы из военных давали трактирщикам своеобразную «крышу» – т. е. защищали от произвола других вооруженных групп. Часто офицеры и солдаты, оставив службу, целиком посвящали себя преступному промыслу. В 1750 году была разгромлена крупная шайка воров и разбойников, за которыми числились чудовищные преступления и злодейства. Когда захваченные преступники начали давать показания, выяснилось, что всей организацией руководил отставной прапорщик Сабельников, который основал настоящую разбойничью базу со своей пристанью, с избами и тайниками, со складами оружия. Отставной офицер Сабельников лично разрабатывал все операции по разбойным нападениям, подробно инструктировал своих подчиненных, отправлял их на дело, с каждой акции брал себе долю, а иногда и сам ездил – размяться, так сказать⁵.

И вот что любопытно: несмотря на то что Россия, с одной стороны, была охвачена криминальным «беспределом», а с другой – произволом властей на всех уровнях, – в нашу страну «на ловлю счастья и чинов» ехали иностранцы чуть ли не со всей Европы. И ни разбойники, ни бандитствующая гвардия, ни коррумпированные власти их не останавливали. Они приезжали в Россию XVIII века по тем же причинам, что и в 90-х годах XX столетия. Страх пред ужасами беспредельной непонятной страны отступал пред величиной возможного выигрыша. Те иностранцы, которым повезло, становились в России генералами, адмиралами, губернаторами... И никто не знает, сколько искателей счастья навсегда сгинуло в нашей стране. Нет такой статистики. Остались только слухи и страшные легенды. Говорят, что многие корчмы и постоялые дворы на дорогах, идущих от Петербурга, стояли в буквальном смысле на костях убитых иностранцев. Как правило, их грабили и убивали не тогда, когда они только ехали в Россию – что

⁵ Ну как тут не вспомнить день сегодняшний, когда большинство «крестных отцов» современной организованной преступности давно уже не совершают преступления своими руками, а лишь «разрабатывают» их и руководят процессом – получая, естественно, свою долю. Правда, время от времени «понятия» требуют от некоторых из них что-то сделать и лично. Говорят, что некоторые воров в законе, разъезжая на «мерседесах» и проживая в многоэтажных особняках, раз в месяц спускаются в метро и на глазах у своей «присяжи» тащат кошельки с грошами из кармана какого-нибудь работяги. Такое «личное участие» сильно повышает авторитет в глазах окружения и свидетельствует о верности традициям.

возьмешь с голодранцев? – а тогда, когда они, разбогате, возвращались домой. Такие «хитрые» постоянные дворы иногда работали как настоящие «фабрики смерти» – в газете «Санкт-Петербургские ведомости» от 11 июля 1730 года встречаем такую вот информацию: «Некоторый Швеции капитан с женою и четырьмя детьми и служанкою из России в свое отечество ехавший недалеко от Санкт-Петербурга на границе от некоторого корчемщика, который может у него какие деньги усмотрел, со всеми при нем бывшими убит и под избу в яму брошен...» Кстати – такие разбойные трактиры и корчмы – достаточно давняя традиция в России, еще в былинах об Илье Муромце встречаются похожие сюжеты...

Вообще, в России середины XVIII века «уголовной» столицей все-таки была Москва, а не Петербург – во-первых, Питер был «моложе», не успели сложиться традиции, во-вторых – сами преступники старались не очень «беспредельничать» в Санкт-Петербурге, где по причине близости центральной власти проще было «попасть под замес». Была даже такая тенденция – совершив преступления в Питере – немедленно бежать в Москву, там было и спрятаться легче, и краденое сбыть. В Златоглавой же криминогенная обстановка была просто кошмарной – только знаменитый вор-сыщик Ванька Каин с 28 декабря 1741 года по ноябрь 1743 года сумел поймать 510 разбойников, воров, скупщиков краденного, фальшивомонетчиков и убийц, среди которых, кстати, было и несколько питерских «гастролеров».

В 1748 году в Москве началась настоящая вакханалия поджогов, убийств, разбоев и грабежей, это настолько испугало Елизавету Петровну в Петербурге (она полагала, что поветрие может перекинуться и в столицу), что вокруг императорских дворцов на площадях выставались пикеты из гвардейских полков, которые должны были вылавливать разных злодеев и разбойников, впрочем, сама елизаветинская гвардия, как уже упоминалось выше, могла бы многим разбойникам и злодеям дать фору...

В Питере, как уже говорилось, было все же поспокойнее, зато вот в его близких и дальних окрестностях разбойники «шуровали» вовсю – в Олонецкий уезд специально для наведения порядка был послан отряд поручика Глотова, которому удалось изловить немало лихих людей. От захваченных в плен разбойников удалось узнать, что в глухом Каргопольском лесу есть у них своеобразная база – настоящий разбойный стан. Гловатов направил было туда людей, чтобы выжечь преступное гнездо, но оказалось, что его уже опередили: два молодых местных охотника, одному из которых было 17 лет, а другому 20, случайно натолкнулись в лесу на избушку, из которой вышли три человека и пригласили на огонек, пообещав убить, если не примут охотники вежливого приглашения. Войдя в избу, звероловы увидели целый арсенал – ружья, рогатины и поняли, куда попали. Разбойники меж тем тихонько совещались, как бы им половчее убить охотников, чтобы те не донесли на них, – и решили они повернуть все дело в бане, куда двое и отправились. На третьего же, оставшегося в избе, прыгнул один из юношей и заколот ножом. Схватив ружья, звероловы побежали к бане, застрелили одного злодея через окно, а другого – когда тот в дверь выскочил. Уходя, молодые охотники спалили разбойный стан дотла – чтоб другим злодеям приюта не было... Сенат с удовольствием заслушал это «приключенческое» дело и постановил отпустить смелых юношей без наказания.

В Петербурге между тем начинали понемногу расцветать более «интеллигентные» виды преступлений – аферы, мошенничества, карточное шулерство, подделка официальных документов. К 1761 году тайных игорных приютов, в которых орудовали шулера, стало настолько много, что потребовался специальный высочайший указ о запрете играть в частных домах «... во всякие азартные игры, в карты, то есть в фаро, в квинтич и им подобные на деньги и вещи». Лишь в самых знатных дворянских домах можно было играть на маленькие суммы в ломбер, кадрилию и пикет, в контру и памфиль. Если полиция узнавала, что где-то идет большая игра, и хватала игроков на месте, то хозяева дома и все игроки обязаны были заплатить штраф в размере двух годовых жалований. Деньги, на которые шла игра, конфисковывались, половина

этой суммы отдавалась доносчику, четверть – в доход полиции, четверть – на благоустройство больниц и госпиталей. Однако эти жесткие меры были малоэффективны⁶.

В 1762 году на престол взошла Екатерина II. И не пройдет и двух лет, как в столице империи случится очередное громкое политическое убийство. В данном случае речь идет о нашем, отечественном аналоге французской «железной маски» – венценосном «шлиссельбургском узнике».

Живописать во всех подробностях эту историю – историю попытки госпереворота авторства Василия Яковлевича Мировича – по службе подпоручика Смоленского пехотного полка, а по жизни – авантюриста и неудачника, – особого смысла нет. Большинство из нас помнит ее из школьного курса истории, либо по сюжету выходившего некогда массовыми тиражами романа Георгия Данилевского «Мирович». Напомню лишь вкратце, что в начале июля 1764 года, реализуя собственный замысел, Мирович попытался произвести переворот в пользу в строгой тайне содержавшегося в Шлиссельбургской крепости «царственного» заключенного – Ивана VI (Антоновича).

Получив информацию об отъезде Екатерины из столицы, молодой подпоручик в очередное ночное дежурство умудрился изящно и весьма оперативно «переагитировать» часть своих солдат, несших караульную службу в крепости. С их помощью Мирович захватил в плен коменданта и ультимативно потребовал выдачи Ивана Антоновича, угрожая в противном случае стрельбой и штурмом. Однако персональные надзиратели томящегося в застенках претендента на российский престол в данной ситуации выказали себя «профессионалами конвойной службы» и, строго в соответствии с имевшимися на руках инструкциями, цинично зарезали узника. Что называется, «ничего личного – просто служба».

Поскольку для реализации масштабного плана Василия Яковлевича царевич нужен был исключительно живым, а наличием форс-мажорного «двойника» он, по простодушию своему, не озаботился, Мирович сразу утратил весь свой воинственный пыл, впал в депрессию и позволил арестовать себя любимого. Суд был недолгим, а расправа скорой – 15 сентября 1764 года Мировича публично казнили, в последний момент милостиво заменив «болезненное» четвертование на более гуманное – отсечение головы. К слову, до этого дня Россия умудрилась прожить целых двадцать два года без вынесения смертных приговоров.

По общепринятой версии подпоручик Мирович замыслил идею государственного переустройства, ведомый личной обидой на свое жалкое существование в целом, и на неблагоприятность к нему новой императрицы, в частности. То бишь, после того как Екатерина начертала на его прошении о возвращении фамильных земель решительный отказ, Василий Яковлевич, выражаясь словами одного из героев писателя Зощенко, «затаил в душе некоторое хамство».

Замысел Мировича оригинальностью не блистал: дескать, если сама «Матушка» взошла на трон вне очереди и при помощи штыков, то почему бы не восстановить историческую справедливость схожим образом, вышибив клин клином? Василию Яковлевичу жаждалось славы, признания, должностей, привилегий и богатств. Все это, строго по списку, ему мнилось получить от несчастного Ивана Антоновича в качестве благодарности за возвращение трона. Насколько хорошим правителем для России мог бы стать человек, проводивший большую часть жизни в одиночном заточении и абсолютной оторванности от современных внешне- и внутри-политических реалий, вопрос, мягко говоря, дискуссионный. Но Василий Яковлевич, похоже,

⁶ Шулерство и карточные «разводки» продолжали развиваться и в XIX веке. Русская карточная шулерская школа становится одной из самых авторитетных и уважаемых в Европе – многие питерские картежники стали настоящими преступными аристократами, разъезжая по многим странам. Впрочем, об этом будет рассказываться немного ниже.

таковым вопросом и вовсе не заморачивался. Был он человеком импульса, действовавшим по принципу «ввяжемся в бой, а там – видно будет».

Как результат – из всего, столь страстно желаемого, Минович получил лишь одно – славу, хотя бы и посмертную. Ну да несколько строчек в учебниках и энциклопедиях – они тоже дорого стоят. Но вот имена двух шлиссельбургских охранников-цареубийц известны меньше. А ведь именно капитан Власьев и поручик Чекин сыграли ключевую роль во всей этой истории, жестко и жестоко погасив попытку переворота, что называется, «в зародыше».

Да, конечно, совсем не факт, что, заполучи Минович вождя наследника живьем, а не в виде холодного трупа, дерзновенный план смог бы осуществиться. Слишком уж много в нем было допущений и «белых пятен». Тем не менее, устранив опасного претендента на престол, «тюремщики» позволили Екатерине II облегченно выдохнуть. По крайней мере с этого момента она перестала тревожиться о том, что со временем ей могут начать досажать очередные «мировичи», среди которых могли сыскаться и куда как более профессиональные заговорщики. Да вот хотя бы люди из окружения гетмана Разумовского! К слову, в наши дни существует версия, что украинец по крови Минович, родители которого, в свое время, попали в царскую опалу по причине приверженности к небезызвестному Мазепе, на самом деле был вовсе не авантюристом-одиночкой, а послушной пешкой в руках опытного интригана Кирилла Разумовского, якобы вынашивавшего планы возвести на российский трон «марионеточного» правителя. Впрочем, руководствуясь теорией заговоров, вокруг этой истории ныне можно громоздить самые разные версии. Так, например, не менее популярна та из них, согласно которой Минович также был «пешкой», вот только в царственных ручках... самой Екатерины...

Так ли, иначе ли, но все дивиденды с этой кровавой истории заполучила «Матушка императрица». Скорее всего, именно по этой причине никаких карательных мер в отношении убийц лица царской крови предпринято не было. Напротив, Власьев и Чекин официально удостоились похвалы за четкие действия в нештатной чрезвычайной ситуации. Правда оба были отставлены от службы, однако в накладе не остались: поговаривают, что каждый получил солидное «единовременное пособие» в обмен на клятву «никогда не говорить об известном событии»⁷.

Ну да вернемся к Екатерине Алексеевне, которой, по восшествии на престол, досталось весьма трудное наследство. Вокруг Петербурга опять было неспокойно – в основном разбойничали беглые крестьяне, пробиравшиеся вместе с семьями в Лифляндию и Эстляндию, где надеялись получить волю и укрытие. Однако по постановлению Сената на немецкий и финский язык был срочно переведен Указ от 1754 года, запрещающий укрывательство беглых, а затем этот документ был направлен в балтийские провинции.

Берется Екатерина Алексеевна и за реформирование полиции – слишком уж много претензий и жалоб на своекорыстие и произвол полицейских чинов накопилось к тому времени. И вот, что называется «количество перешло в качество»: 14 декабря 1766 года Екатерина II издает Наказ, в котором высказываются принципиально новые взгляды на юстицию и полицию. Государыня формулирует, что лучше предупреждать преступление, нежели наказывать за оное, ставит задачу полиции отныне сосредоточиться исключительно на «охранении благочиния». Да, раскрытие преступлений по-прежнему поручалось полиции, но вот последующее «произведение дела препоручается судебному месту, к которому его дело принадлежит».

⁷ Говорят, что за несколько недель до убийства «шлиссельбургского узника», знаменитая петербургская блаженная Ксения сутки напролет бродила по питерским улицам и плакала навзрыд. Все, кто встречал блаженную в слезах, участливо интересовались: «Что случилось? Не обидел ли тебя кто-нибудь?» Блаженная в ответ горько стонала: «Там кровь, кровь, кровь! Там реки налились кровью, там каналы кровавые, там кровь, кровь». Люди недоуменно отходили... И лишь когда по столице разнеслись слухи об убийстве Ивана Антоновича, сделалось ясно, что своими стенаниями блаженная Ксения предсказала его гибель.

В ноябре 1790 года Высочайшим Указом утверждено положение о гербергах (постоялых дворах) и трактирах в столице империи. На полицию возложена обязанность наблюдать за тем, чтобы в трактирах и гербергах «исполнялось все по предписанию», а низкого сословия люди, «как то: солдаты, крестьяне господские и всякого звания развратные люди и зазорные женщины», не впускались, а картежная игра во всех тех местах была искоренена и уничтожена.

При Екатерине II также были ужесточены меры в отношении всякого рода мошенников, промышляющих в столице. Последнее неспроста: к тому времени Петербург уже прочно стал «мошенническим центром» империи в отличие от более грубой разбойно-воровской Москвы. Доходило до того, что мошеннические «разводки» стали проворачиваться на самом высоком уровне, – в вышедшей в 1871 году книге юриста Файницкого «Мошенничество по русскому праву» приводится такой забавный пример: «...Когда депутаты ото всех мест России съехались в Петербург для составления уложения законов, некто Корольков, подделав приглашения от комиссии повестки на 25 июля 1767 года, разносил их депутатам и собирал за это деньги...» Надо сказать, что этот Корольков был фруктом достаточно ранним – лет ему в ту пору было всего-то восемнадцать. Приняв во внимание его молодость, шокированный Сенат приговорил головастого юношу к наказанию плетьюми и ссылке в дальний гарнизон солдатом...⁸

XIX век начался в Петербурге довольно мрачно – 11 марта 1801 года в Михайловском замке был убит император Павел I. Он был, безусловно, трагической фигурой в российской истории, его не любили, и он остался в нашей памяти курносой карикатурой. Между тем он вовсе не был законченным идиотом – просто тяжелое детство и нелюбовь матери (Екатерины II) не могли не наложить на его личность своеобразного отпечатка. О нем говорили, что он был вполне разумным человеком в больших делах и смешным и страшным самодуром в малых... Он делал все как бы наперекор своей матери, и жуткая смерть его была предопределена.

Если рассмотреть чисто, так сказать, уголовный аспект его гибели – то это было обычное заказное убийство. В заговор был вовлечен наследник – будущий император Александр I, который неоднократно обсуждал с графом Паниным возможность отречения Павла еще в ноябре 1800 года. Панин, правда, предлагал не убивать императора, Александр с пониманием слушал его проекты регентства... Но – и Панин и Александр не могли не предполагать и убийства. Они были внутренне к нему готовы – об этом свидетельствует то, что впоследствии никто из убийц не был предан суду, они попали лишь в довольно мягкую опалу: руководители заговора князь Зубов и граф Пален всего-навсего были высланы в свои имения в Курляндии. У клана Зубовых были личные причины ненавидеть Павла – Платон Александрович, как известно, был фаворитом Екатерины и поэтому не мог не впасть в немилость у Павла, у братьев Платона Валерьяна и Николая карьера также складывалась не самым блестящим образом. Графа Палена Павел также неоднократно оскорблял. Бурлило и офицерство, хорошо помнившее золотой век Екатерины... В общем, весь заговор был нормальным корыстным убийством, в котором все участники решали свои более или менее крупные проблемы...

Показательно другое. Для того чтобы убить Павла I, заговорщики не смогли найти толковых профессиональных исполнителей, им пришлось все делать самим, делать неумело и суетливо – это свидетельствует о том, что в те времена специальность профессионального киллера была чрезвычайно дефицитной⁹.

⁸ К вопросу о депутатах – нынешние наши законодотворцы сами «кинут» кого угодно – и в первой «двухгодичной» Думе, и в избранной 17 декабря 1995 года народ подобрался, мягко говоря, пестрый. Характерно другое – уже тогда – в далеком 1767 году, нашелся в Питере парень, который смекнул, что на депутатах можно делать неплохие деньги.

⁹ Поразительным образом в событиях вокруг убийства императора Павла Первого оказались задействованы сразу четыре человека, бывших или в будущем ставших губернаторами Петербурга. Это 24-летний наследник трона Александр Павлович (первый военный губернатор Петербурга в 1797 г.), эффективный и незаменимый павловский управленец Петр Пален (военный губернатор в 1798–1801 гг.), а также Петр Толстой (военный губернатор в 1803–1805 гг.) и Павел Голенищев-Кутузов (военный губернатор в 1826–1830 гг.).

О предстоящем убийстве и перевороте знал чуть ли не весь Петербург – по различным оценкам, число заговорщиков колебалось от 30 до 70 человек, заговор чуть было даже не раскрыла полиция... Сначала Павла хотели ликвидировать после Пасхи, которая в том году выпала на 24 марта, потом срок был перенесен на 15 марта – день, когда был убит Юлий Цезарь. Но все случилось ночью 11 марта. В этот вечер примерно 40 заговорщиков ужинали у генерала Талызина. После 11 вечера Пален уехал в условленное место, где его ждал князь Zubov, остальные офицеры начали стягиваться к Михайловскому замку. Убийца вызвался провести флигель-адъютант Аргамаков – толпа человек в 30–40 ринулась по винтовой лестнице замка к покоям императора. Один гусар, охранявший двери в спальню, был зарублен князем Яшвилем, другой сбежал... Странно, что сам Павел не последовал его примеру – он вполне мог уйти тайным ходом, ведущим в покои его любовницы, княгини Гагариной. Вместо этого Павел спрятался за ширму, и, когда заговорщики ворвались, они не нашли Павла в спальне, но в этот момент из-за облаков вышла луна, и генерал Бенингсен увидел на ширме тень – курносый профиль императора... Платон Zubov выступил вперед и потребовал отречься – Павел отказался. Тогда генерал Николай Zubov сильно толкнул его, а Аргамаков ударил императора рукояткой пистолета в висок. Яшвиль и Мансуров (оба бывшие гвардейские офицеры, выгнанные Павлом со службы) накинули жертве шарф на шею и стали душить его. Павел якобы засунул руку под шарф, и, чтобы заставить его вытащить ее оттуда, кому-то пришлось даже стиснуть руками мужское достоинство императора. Когда все кончилось, в спальню вошел граф Пален, который якобы подслушивал у дверей. (По другой версии, Николай Zubov ударил императора в висок золотой табакеркой, камердинер Zubova прыгнул ногами на живот упавшего Павла, а офицер Измайловского полка Скарятин задушил уже бесчувственного царя его же собственным шарфом.) Любопытно, что во дворце тогда дежурил батальон великого князя Александра Павловича, что дало ему повод лицемерно воскликнуть: «Все взвзывают на меня...» Поговаривали, правда, что к этому убийству были причастны и англичане. Версия эта базировалась на том, что некая мадам Жеребцова (урожденная Zubova) якобы предсказала убийство 11 марта в Берлине, а сразу после того, как о ликвидации стало достоверно известно, отправилась в Англию и навестила там своего старого друга лорда Уитворда, который в течение многих лет был английским послом в Петербурге. Якобы даже англичане передали в свое время Жеребцовой миллион золотом, а она «забыла» отдать его заговорщикам. А англичане, как джентльмены, не стали спрашивать о дальнейшей судьбе денег. Но эта версия больше похожа на легенду...

Как бы там ни было, ликвидация Павла прошла успешно, убийцы наказаны не были, но сам факт этого жуткого преступления поверг весь высший свет России на долгие годы в шок...¹⁰

...Отечественная война 1812 года несколько ослабила накал криминальной обстановки и в России в целом, и в Петербурге в частности. Правда, партизанские крестьянские отряды, героически громившие французов, промышляли иногда – «по совместительству», и разбоями, но это уже общие издержки партизанских движений всех времен и народов. В целом после победоносной войны ситуация в Питере долгое время остается довольно спокойной – есть, правда, упоминание о поимке в 1822 году в окрестностях Питера шайки дезертиров-рекрутов, возглавляемой неким крестьянином Иваном Ивановым, который, по его собственному признанию, разбойничал с 13 лет, переходя из деревни в деревню и отбирая у селян последнее, но назвать этого Ваню выдающимся или даже сколько-нибудь значительным разбойником просто язык не поворачивается. Его шайка занималась мелким сельским, если так можно выразиться

¹⁰ Мне приходилось не раз слышать от серьезных людей – научных работников – о том, что в Михайловском замке до сих пор гуляет привидение убиенного Павла. Говорят, это привидение мирное и зла людям, работающим сегодня в Инженерном замке, не делает.

«бытовым», бандитизмом – в одном селе с кого-нибудь тулуп снимут, в другом – провиант украдут, «холста да сукна аршин на 15-ть...». Самым большим «кушем» шайки стало ограбление зажиточного крестьянина Акима Яковлева, у которого Иванов с тремя подельниками угрозами и побоями «выдоили» 500 рублей, – а «засыпалась» вся эта компания дезертиров, как раз пропивая награбленное.

Настоящий же расцвет преступного подполья Петербурга начался где-то в пятидесятых годах XIX века, когда в уголовной среде совершенно четко уже прослеживается специализация и своеобразная иерархия¹¹.

В 1855 году в Петербурге начала свою кровавую деятельность «банда душителй», которые за год с небольшим совершили несколько десятков жутких преступлений. Поздним пешеходам сзади на горло набрасывали веревочные петли, душили, а потом раздевали догола уже бесчувственные тела. Несмотря на то что некоторых из жертв злодеи «недодушивали» до конца, нарисовать словесный портрет преступников никто не мог – душителй всегда незаметно подкрадывались сзади, а потом жертва моментально теряла сознание. Поначалу шайка эта действовала преимущественно на окраинах Петербурга (и даже в Кронштадте), но в конце 1856 – начале 1857 года душителй уже вовсю работали в самом сердце Питера – на Семеновском плацу, у Обводного канала, на набережной Таракановки.

Начальнику петербургской сыскной полиции Ивану Дмитриевичу Путилину пришлось прибегнуть к своему излюбленному приему – «подставе» с переодеваниями. Один чрезвычайно сильный полицейский был переодет в женское платье и изображал из себя торговку-чухонку, разъезжая вечером по мрачным питерским улицам, под рогожами в телеге прятались вооруженные Путилин и унтер-офицер. И бандиты в конце концов клюнули. Шайка, как впоследствии оказалось, состояла из бывших солдат, уволенных в запас, и просто деклассированных элементов. История донесла до нас их имена – Александр Перфильев, Федор Иванов, Калина Еремеев, Михаил Поянен.

Полтора века назад, в 1864 году, в журнале «Отечественные записки» начали публиковаться главы нового романа Всеволода Владимировича Крестовского «Петербургские трущобы». Несколько лет спустя роман выйдет отдельной книгой, выдержит несколько изданий кряду и сделается одним из наиболее востребованных литературных бестселлеров образца второй половины XIX века. Тогдашний читатель, в массе своей, воспринимал книгу сугубо как увлекательное авантюрно-детективное чтение. Тогда как сам Всеволод Владимирович брался представить на суд публики роман-фельетон, произведение остросоциальной направленности. Недаром же он дал своему детищу говорящий подзаголовок – «Книга о сытых и голодных».

Главное сочинение своей жизни Крестовский создал, пребывая всего лишь в 25-летнем возрасте. Впрочем, в те времена люди взрослели рано, а уж люди творческие – и подавно. На тот момент Всеволод Владимирович был более-менее известен в литературных кругах в первую очередь как поэт – автор гражданской и любовной лирики. А положенная на музыку его поэтическая баллада «Ванька-ключник» уже устойчиво воспринималась как посконная народная песня. Это ли не подлинное признание?..

Крестовский жил, перебиваясь литературными заработками и уроками, а в свободное от занятий время водил дружбу с личностями, преимущественно творческими. Такими, как Аполлон Григорьев, Николай Лесков, Лев Мей, Николай Помяловский, Федор Достоевский. Правда в ту пору все они еще не входили в литературную богему, но уже были довольно близки к ней.

¹¹ И опять же – расцвет преступности совпадает с эпохой перемен – Александр II Освободитель, по злой иронии судьбы убитый в конце концов народолюбцами, не только дал крестьянам волю в 1861 году, но и провел целый ряд других реформ – административную, судебную, военную. Некоторые историки сравнивают реформаторские заслуги Александра II с заслугами Петра I – по степени их воздействия на Россию.

По признанию самого Крестовского, идея создания книги о жизни обитателей столичного дна пришла к нему в 1858 году. После того как он, студент историко-филологического факультета университета, мало того что сделался невольным свидетелем сцены избиения падшей женщины в Таировом переулке, но еще и посетил, из внезапно охватившего любопытства, один из расположенных здесь же притонов.

«...Да, милостивые государи, живем мы с вами в Петербурге долго, коренными петербуржцами считаемся, и часто случалось нам проезжать по Сенной площади и ее окрестностям, мимо тех самых трущоб и вертепов, где гниет падший люд, а и в голову ведь, пожалуй, ни разу не пришел вам вопрос: что творится и делается за этими огромными каменными стенами? Какая жизнь коловращается в этих грязных чердаках и подвалах? Отчего эти голод и холод, эта нищета разъедающая, в самом центре промышленного богатого и элегантного города, рядом с палатами и самодовольно сытыми физиономиями? Как доходят люди до этого позора, порока, разврата и преступления? В тот достопамятный – лично для меня – вечер, когда я впервые случайно попал в одну из трущоб, вопросы эти и мне пришли в голову. Та невидимая драма, которая осветилась для меня – частью по услышанным и подхваченным на лету урывкам, частью же по собственной догадке и соображениям, – невольно как-то сама собою натолкнула меня, вместе с вышеизложенными вопросами, на мысль романа».

Поглощенный не лишенной оригинальности идеей Крестовский приступает к сочинению повести с рабочим названием «Содержанка». Но литературный процесс продвигался туго – выходцу из старинного, хотя и обедневшего дворянского рода, поэту-романтику явно не хватало фактуры и знания предмета. А тут еще в какой-то момент приятель, автор «Мещанского счастья» и «Очерков бурсы» Николай Помяловский присоветовал не размениваться на малые формы и создать полновесный роман в стилистике необычайно модных в ту пору «Парижских тайн». И вот тогда, воодушевленный подкорректированным замыслом, Всеволод Владимирович, что называется, пустился во все тяжкие. Здесь – сугубо с исследовательской целью, разу-меется...

Когда в одиночку, а когда и с друзьями (воспоминание об одном из таких походов впоследствии оставит Николай Лесков) Крестовский начинает методично обходить зланные питерские места – «Вяземскую лавру», Таиров, Лиговку, «Малинник», Глазов кабак, трактир «Ерши». Быт и царящие в последнем нравы будут впоследствии мастерски выписаны им в романе – именно в «Ершах» завязываются и сходятся многие сюжетные линии «Петербургских трущоб».

В свои авантурные и достаточно рискованные экскурсии Всеволод Владимирович чаще всего отправлялся под «залегенированным предлогом», искусно маскируясь: то под нищего, то под работягу, то под забулдыгу. В основном – прокатывало, но изредка возникали ситуации, когда приходилось либо спасаться бегством, либо пускать в ход кулаки. А то и вовсе проводить остаток ночи в полицейском околотке, где Крестовский однажды очутился, угодив под масштабную облаву (эдакое нынешнее полицейское «маски-шоу»), учиненную все в тех же приснопамятных «Ершах». Вот уж воистину – искусство требует жертв!

К слову, существенно продвинуться в криминологическо-исследовательской работе Крестовскому помогло знакомство с вышепомянутым признанным мастером сыскного дела Иваном Дмитриевичем Путилиным, который к тому времени занимал должность квартального надзирателя в самом криминогенном районе Петербурга – Сенная и окрестности (Спасская часть). За свою розыскную службу Иван Дмитриевич уже успел удостоиться нескольких наград, включая орден Св. Владимира 4-й степени, полученный в 1861 году «за исполнение особых поручений», а в определенных кругах повсюду бытовало мнение, что для Путилина ничего невозможного не существует.

Именно Иван Дмитриевич стал для Крестовского своего рода Вергилием, проводшим начинающего беллетриста по всем кругам петербургского криминального ада. В краткой био-

графии писателя, опубликованной в 1-м томе посмертного собрания сочинений Крестовского, приводятся следующие воспоминания Путилина: «Я сам сопровождал его по трущобам, вместе с ним переодеваясь в нищенские костюмы он вместе со мной присутствовал на облавах в различных притонах; при нем, нарочно при нем, я допрашивал в своем кабинете многих преступников и бродяг, которые попали потом в его роман».

Не секрет, что, пускаясь в подобного рода исследования-авантюры, не худо заручиться поддержкой лиц влиятельных, запастись определенным количеством рекомендательных писем, всяческих проходок, спецпропусков и т. п. Это и в наши дни, в современных российских реалиях небесполезно, а тогда – и подавно. Опять же – в те годы существовало жесткое правило, гласящее, что посещение тюрем разрешалось лишь с научной или благотворительной целью. Да и на это правило накладывалось дополнительное ограничение – «на усмотрение местных властей».

Так вот у Крестовского подобная поддержка имелаась – сам генерал-губернатор Петербурга, светлейший князь Александр Аркадьевич Суворов (внук прославленного полководца!) выдал ему разрешение на свободное посещение тюрем, больниц и прочих казенных учреждений, а столичный прокурор Хованский милостиво позволил пользоваться судебными архивами. Скорее всего, выход на первых лиц города Всеволоду Владимировичу устроил его приятель – видный меценат, издатель и филантроп, граф Григорий Александрович Кушелев-Безбородко – человек, отдельными внешними чертами которого Достоевский впоследствии наделит своего князя Мышкина...

Понятно, что при таких помощниках и консультантах грешно было бы автору не изучить вопроса со всей тщательностью и дотошностью к мелочам. К тем самым, в которых, как известно, кроется сам Дьявол. А уж дьявольских персонажей на страницах романа Крестовского сыскывается преизрядное количество. В итоге, пожалуй, самой сильной у него получилась четвертая часть романа – «Заключённые». Та самая, где, согласно предостережению Крестовского, «первые одиннадцать глав не заключают в себе исключительно романического интереса».

И очень хорошо, что «не заключают»! Именно в «Заключённых» автор вкуснейше отписал типажи, повадки, быт и субкультуру обитателей т. н. Литовского замка и женской тюрьмы, а также подробнейшим образом живописал «распорядок дня» и жизненный уклад обитателей Сенной площади и примыкающей к ней «Вяземской лавры» – профессиональных нищих, воров, мошенников, проституток и бродяг. Главы эти написаны с нескрываемой болью и состраданием к своим персонажам. Причем – ко всем, даже, казалось бы, абсолютно проходным и эпизодическим. И, возможно, в силу этой самой любви «Заключённые» и удались. Все правильно! Как некогда высказался первый православный епископ Камчатки, Якутии, Приамурья и Северной Америки архиепископ Иннокентий: «Преступник скорее откроет сердце тому, кого привел в его темницу голос любви, а не долг знания. Желаете узнать свойство природы человеческой – посещайте темницы; там увидите ее на одной из последних крайностей, найдете такую, какую не покажут тебе ни книги, ни театры...»

До романа «Петербургские трущобы» фактически ни одно литературное художественное произведение не содержало лексику русского воровского аргота – так называемой «воровской музыки». Сам Всеволод Владимирович (недоучившийся студент-филолог) с отменным знанием предмета поясняет в комментариях, что «у воров и мошенников существует своего рода условный знак (argot), известный под именем „музыки“ или „байкового языка“. Этот язык, между прочим, представляет много интереса и в физиологическом отношении. В нем, кроме необыкновенной образности и лаконичной сжатости, отличительных качеств его, заметен сильный наплыв слов, звучащих очевидно неславянскими звуками».

Весьма примечательно, что многие встречающиеся на страницах романа «аргоизмы», прекрасно знакомы современному читателю. С удивлением обнаруживается, что некоторые

такие словечки, невольно вошедшие в нашу речь с началом «Великой криминальной революции» начала 1990-х, имели хождение еще полтора века назад. Судите сами:

- бабки (деньги вообще, какого бы рода или вида они ни были);
- клёвый (хороший, красивый, дорогой, выгодный, подходящий);
- лады (идет, хорошо; согласие);
- тырить (воровать);
- стрёмить (смотреть, наблюдать, остерегаться);
- жулик (ученик мошенника; тот, который уже может ходить на дело);
- звонить (говорить);
- Слаба! (восклицание, выражающее укор в нерешительности или трусости)...

Многих современников Крестовского такого рода словеса и жаргонизмы, густо разбросанные по страницам романа, коробили, задевали и заставляли морщить нос. При том что сам автор в своем предисловии заранее оговаривался, что книга его «не предназначается к чтению в пансионах и институтах благородных девиц». Теперь же, по прошествии времени, представляется, что Всеволод Владимирович, сам того не ведая, совершил немалое благодеяние для нынешних филологов: внутренним, возможно, чутьем поняв и осознав, что воровской язык, язык босяков и прочих представителей дня, точно так же оказывает влияние на язык литературный и сыскивает в нем достойное место. Неслучайно в цивилизованных странах жаргон является предметом всестороннего изучения, ему посвящены многие сотни научных трудов.

Писатель, поэт и публицист Крестовский оставил после себя немалое литературное наследие, однако в памяти нескольких поколений российских читателей продолжает считаться автором лишь одной книги. Но зато это была именно ЕГО книга! Как при жизни признавался Всеволод Владимирович: «Надо, чтобы каждый автор, претендующий на внимание к себе читателя, имел что сказать ему свое, и сказал бы это „свое“ искренно. В этом – главное, а остальное есть уже дело большего или меньшего таланта». Да, возможно «Петербургские трущобы» получились произведением и не шибко высокохудожественным (к примеру, породистый классик Тургенев презрительно именовал роман «чепухой»), но зато в части исследования криминального, равно как бродяжеского, нищенского и прочих отверженных миров российской столицы образца середины девятнадцатого века – образцовым. Равно как: знаковым (для своего времени), и «энциклопедическим» (для времени нашего)...

И все же, возвращаясь к криминальному Петербургу образца второй половины XIX, следует признать, что по-настоящему «зверские» преступления случались все-таки довольно редко. Более того, в те времена практически каждое убийство, даже «бытовое», становилось газетной сенсацией и повергало общество в шок. Поэтому, в основном, процветало все-таки воровство и разного рода мошенничество. Причем, как ни странно, женщины-преступницы, возможно, оставили в криминальной истории Петербурга даже более заметный след, чем мужчины. Может быть, такой казус связан с тем, что в то время женщинам было намного труднее реализовать себя – в основном общество отводило им роль домохозяек. Не удовлетворяясь исполнением этих ролей, барышни с «активной жизненной позицией» пытались найти себе дело по душе – становились проститутками, мошенницами и воровками.

Кстати, о проституции – во второй половине XIX века Петербург был довольно-таки развратным городом: в 1847 году при Министерстве внутренних дел была учреждена комиссия по надзору за бродячими женщинами. В 1852 году в списках этой комиссии по Петербургу значились 5381 женщина. В те времена основные притоны и публичные дома располагались на Сенной площади, около Егерских казарм, у кабака «Веселые острова», на Песках, на Болотной улице, в Коломне, на Покровской улице и на Петербургской стороне. В 1853 году в Петербурге числилось 1378 проституток – притом что население в Питере составляло в тот год 534

тысячи 721 человек. Итого: на 381 жителя приходилась одна проститутка. К 1 января 1853 года в Питере было зарегистрировано 148 публичных домов. В 1868 году публичных домов было 145 и 16 тайных притонов. Только поднадзорных проституток числилось 2081. В 80-е годы проституток в Питере было зарегистрировано более шести тысяч. К 1900 году число зарегистрированных проституток сократилось вдвое, зато масштабы уличной проституции достигли головокружительного размаха. По некоторым оценкам, на улицы Санкт-Петербурга – первого города-миллионщика в Северной Европе – выплеснулось тогда до 50 тысяч проституток.

Безусловной королевой преступного мира тех времен была знаменитая Сонька Золотая Ручка. Она родилась не в Петербурге, а в местечке Повонзки Варшавского уезда, но именно в Питере произошло ее «становление», здесь она судилась, совершала преступления, а стало быть, внесла свой заметный след в историю Бандитского Петербурга. Ее настоящее имя, полученное при рождении, было Шейндля-Сура Лейбовна Соломониак. Семейка у Шейндли была, прямо скажем, не особо законопослушной – Золотая Ручка росла в среде, где скупка краденого, контрабанда, сбыт фальшивых денег были обычным делом. Ее старшая сестра Фейга тоже была воровкой, сменившей трех мужей, но до Соньки ей, конечно, было далеко. В 1864 году Шейндля вышла замуж в Варшаве за некоего Розенбада, родила от него дочь Суру-Ривку и тут же бросила мужа, обокрав его на прощание. С неким рекрутом Рубинштейном она бежит в Россию, где и начинаются ее головокружительные сексуально-уголовные похождения. В январе 1866 года ее первый раз хватает полиция города Клина по обвинению в краже чемодана у юнкера Горожанского, с которым она познакомилась в поезде. Сонька выкрутилась, сказав, что чемодан прихватила по ошибке, и направилась в Петербург, где обчищала дачи аристократов вместе со своим любовником Михелем Бренером. Именно в это время Золотая Ручка делает первые попытки создать целую бригаду воров, для чего привозит в Питер известного вора Левита Сандановича. Судя по всему, именно в Петербурге был изобретен знаменитый способ гостиничных краж, получивший название «с добрым утром». Метод был прост – красиво одетая, элегантная Сонька останавливалась в лучших отелях города, тщательно изучала планы номеров, присматривалась к постояльцам... Наметив жертву, она проникала в его номер ранним утром, надев войлочные туфли, начинала искать деньги и драгоценности. Если постоялец просыпался, Шейндля делала вид, что ошиблась номером, смущалась, краснела, пускала в ход свои сексуальные чары – для дела могла и переспать с жертвой, причем делала это искренне и естественно, что называется с выдумкой и огоньком... Украденные драгоценности сбывались ювелиру Михайловскому, который переделывал их и сбывал.

Впоследствии в Питере широко распространится способ воровства с отвлечением жертвы на секс – этот метод получит название «хипеса» – «хипесники» обычно работали парами: женщина приводила клиента к себе в комнату и ублажала его в кровати, а ее партнер («кот», следящий за интересами своей «кошки») шарил по карманам оставленной где-нибудь в прихожей одежды. «Кошки»-хипесницы часто наживали большие деньги. Знаменитая питерская хипесница Марфушка сумела к началу XX века скопить солидный капитал в 90 000 рублей, ее коллега Сонька Синичка, «работавшая» примерно в то же время, остановилась на сумме 25 000 и открыла модную мастерскую. Красавица хипесница Петрушкина внесла свежую струю в метод – использовала дрессированных собачек для подачи лаем сигналов своему «коту». Попадались хипесники обычно из-за ссор во время дележа добычи – обиженные на своих партнеров «кошки» с чисто женской логикой часто «стучали» на своих поделщиков в полицию.¹²

¹² *Xupes* – как метод преступного промысла – благополучно доживет до наших дней: как в «классическом» своем варианте, так и приобретая формы «высокотехнологичного» преступного бизнеса. К примеру, относительно недавно, 25 октября 2014 года Следственный Комитет по Санкт-Петербургу возбудил уголовное дело по статье 210 УК РФ – «Организация преступного сообщества». Как следует из материалов дела, его фигуранты склоняли молодых девушек-танцовщиц к хищениям денег с банковских карт клиентов-мужчин. По версии следствия, преступное сообщество было создано еще в 2011 году 32-летним

Однако вернемся к Соньке. В 1868 году она ненадолго уезжает в Динабург, где выходит замуж за старого богатого еврея Шелома Школьника, однако вскоре бросает его ради своего любовника Михеля Бренера и его брата Абрама (похоже, что Золотая Ручка спала одновременно с обоими братьями). Вообще, иной раз просто непонятно, как, ведя такую активную (чтоб не сказать сильнее) половую жизнь, Сонька еще и находила в себе силы воровать – крепкая, судя по всему, была дама... В 1870 году Шейндля крупно «засыпалась» в Петербурге и еле успела сбежать из приемного покоя Литейной части, оставив полицейским изъятые вещи и деньги, – кстати, с полицией она «решала вопросы» часто опять-таки «чисто по-женски». Поняв, что в столице она уже несколько примелькалась, Золотая Ручка отправляется в большое «международное турне». Она посещает чуть ли не все самые крупные города Европы, выдавая себя за русскую аристократку, – ей это не сложно было сделать – она прекрасно одевалась и свободно владела немецким, французским, польским языками (не считая, естественно, русского и идиша). В своих похождениях она напропалую знакомилась с разными богатыми дураками и обворовывала их, усыпляя либо изнурительным сексом, либо (если клиент попался очень крепкий или очень страшный) специальными порошками. В 1871 году она выходит замуж за известного железнодорожного вора Михеля Блювштейна – румынского подданного, чьи родители жили в Одессе (кстати, одесситкой Сонька никогда не была, но в этом солнечном городе бывала часто. Как, впрочем, и в других крупных городах). От этого замужества у Золотой Ручки родилась дочка Табба, а сам брак вскоре распался, потому что Блювштейн постоянно застукивал жену то с каким-то бароном, то с графом, а то и просто с приглянувшимся нищим офицериком, с которого и взять-то было нечего, что особо раздражало супруга.

Странно, что при всей интенсивности своих походов Сонька все время уходила от полиции, – позже, когда ее судили в конце 1880 года в Москве, мелькнули на процессе показания одного свидетеля, из которых можно было понять, что в свое время Шейндля была завербована в осведомители, откупаясь от полиции тем, что «сдавала» своих конкурентов по ремеслу. В 1871 году ее ловит полиция в Лейпциге и передает под надзор российскому посольству, но России такое «счастье» тоже даром не нужно, и ее поскорее высылают за границу. В 1876 году она попадает в Вене вместе со своим тамошним любовником Элиасом Венигером, ее обвиняют в краже 20 тысяч талеров в Лейпциге, но Сонька опять, очаровывая полицейских, ускользает, заложив в столице Австро-Венгрии четыре краденых бриллианта... Попад вскоре в краковскую тюрьму, она ухитряется обокрасть собственного адвоката, но срок все-таки получает смехотворный – 12 дней лишения свободы... Она вновь возвращается в Россию и «бомбит» лучшие отели Москвы, Питера, Нижнего Новгорода, Одессы, Астрахани, Витебска, Харькова, Саратова, Екатеринбурга, Киева, Таганрога, Ростова-на-Дону, Риги... Всюду она выходит сухой из воды.

Сонька понемногу становится сентиментальной – однажды, войдя ранним утром в гостиничный номер, чтобы обокрасть постояльца, она увидела спящего в одежде молодого человека, рядом с которым лежал револьвер и письмо к матери, в котором он сообщал, что кончает с собой, так как вскрылось хищение им казенных 300 рублей, направленных семье для лечения больной сестры. Золотая Ручка тихонько вынула 500-рублевую ассигнацию, положила ее на револьвер и выскользнула из номера... В другой раз она вернула 5000 рублей обокраденной ею же вдове бедного чиновника, у которой остались сиротами дети... Сонька сама очень

Юрием Р. В свой преступный круг тот вовлек не менее двенадцати человек с целью отъема денег у посетителей контролируемых злоумышленниками ночных клубов. Молодые «леди», входящие в состав банды, находили состоятельных, по их мнению, мужчин и заманивали их в ночные клубы. Затем соучастники приводили клиентов в беспомощное состояние и обманным путем узнавали PIN-коды кредитных карт мужчин. С кредитных карт клиентов списывались средства под видом якобы оказанных услуг и приобретения дорогостоящих алкогольных напитков, а из мобильных телефонов исчезали SMS-сообщения о банковских транзакциях. Потом члены банды просто-напросто выпроваживали клиентов на улицу. В настоящее время в одно производство объединено пять уголовных дел по фактам хищений денежных средств на сумму более 1,5 млн рублей.

любила своих дочек и тратила бешеные деньги на их образование сначала в России, а потом во Франции...

Понемногу она старела, удача начинала ей изменять, к тому же ее очередной роман с восемнадцатилетним красавцем вором-марвихером Володей Кочубчиком (в миру – Вольф Бромберг, известный тем, что воровскую карьеру начал с 8 лет, ухитряясь обворовывать собратьев по профессии) был не очень удачным – сам Кочубчик бросил воровать, но нещадно эксплуатировал влюбившуюся в него без памяти Соньку, требовал от нее деньги, став капризным и раздражительным альфонсом, проигрывавшим все «заработанное» Сонькой в карты. Она вынуждена была все больше рисковать, нервничала, а расшатанные нервы всегда очень быстро сказываются на успехах людей творческих профессий... К тому же она стала слишком известной, ее уже просто узнавали на улице, в магазинах, в театрах, сначала такая популярность даже помогала ей – несколько раз восторженная публика оттесняла от нее полицию, давая возможность скрыться, но долго так продолжаться не могло – в 1880 году она вместе с Кочубчиком попадает в Одессе, и в конце концов ее вместе с многочисленными бывшими мужьями и любовниками судят в Москве (компания попала на скамью подсудимых довольно колоритная – чего стоил один только «временно отпускной рядовой Шмуль Боберман»). Вот как она выглядела тогда, по словам очевидца: «...Шейндля Блювштейн – женщина невысокого роста, лет 30. Она, если не красива теперь, а только миловидна, симпатична, все-таки, надо полагать, была прехорошенькой пикантной женщиной несколько лет назад. Округленные формы лица с немного вздернутым, несколько широким носом, тонкие ровные брови, искрящиеся веселые глаза темного цвета, пряди темных волос, опущенные на ровный, кругловатый лоб, невольно подкупают каждого в ее пользу. Это лицо, немного притертое косметикой, румянами и белилами, изобличает в ней женщину вполне знакомую с туалетным делом. В костюме тоже проглядывается вкус и умение одеваться. На ней серый арестантский халат, но прекрасно, кокетливо скроенный. Из-под рукавов халата выглядывают рукава черной шелковой кофточки, из-под которой, в свою очередь, белеются манжеты безукоризненной белизны, отороченные кружевами. На руках черные лайковые перчатки, щегольски застегнутые на нескольких пуговицах. Когда халат распахивается, виден тончайший передник, с карманами, гофренный на груди и внизу. На голове белый, обшитый кружевами платок, кокетливо сложенный и заколотый у подбородка. Держит она себя чрезвычайно покойно, уверенно и смело. Видно, что ее совсем не смущает обстановка суда, она уже видала виды и знает все это прекрасно. Поэтому говорит бойко, смело и не смущается нисколько. Произношение довольно чистое и полное знакомство с русским языком...»

Процесс был долгим и бурным, несмотря на то что Сонька отрицала все предъявленные ей обвинения, ее приговорили к лишению всех прав состояния и ссылке в «отдаленные места Сибири»... Ее сообщников приговорили к арестантским ротам на срок от 1 до 3 лет, Кочубчик получил 6 месяцев «рабочего дома» (по выходе он стал состоятельным домовладельцем в одном из южных городов России).

В 1881 году Золотая Ручка находилась в Красноярском крае, но уже летом 1885 года бежала из Сибири. Однако гуляла на воле она недолго – в декабре того же года ее вновь арестовывают в Смоленске и судят. Но 30 июня 1886 года она бежит из смоленской тюрьмы вместе с надзирателем Михайловым, которого влюбила в себя... Через 4 месяца ее вновь ловят... Летом 1888 года ее отправляют пароходом из Одессы на Сахалин – в Александровск-на-Сахалине, откуда она вновь пытается бежать – через тайгу, переодевшись солдатом... Ее поймали на следующий же день, высекли розгами в александровской тюрьме... Два года и восемь месяцев она носила ручные кандалы и содержалась в одиночке.

В 1890 году Антон Павлович Чехов посетил Сахалин и даже заглянул в камеру к Золотой Ручке: «Из сидящих в одиночных камерах особенно обращает на себя внимание известная Софья Блювштейн – Золотая Ручка, осужденная за побег из Сибири в каторжные работы на

три года. Это маленькая, худенькая, уже седеющая женщина с помятым старушечьим лицом. На руках у нее кандалы; на нарах одна только шубейка из серой овчины, которая служит ей и теплою одеждой, и постелью. Она ходит по своей камере из угла в угол, и кажется, что она все время нюхает воздух, как мышь в мышеловке, и выражение лица у нее мышиное. Глядя на нее, не верится, что еще недавно она была красива до такой степени, что очаровывала своих тюремщиков, как, например, в Смоленске, где надзиратель помог ей бежать и сам бежал вместе с нею. На Сахалине она в первое время, как и все присылаемые сюда женщины, жила вне тюрьмы, на вольной квартире; она пробовала бежать и нарядилась для этого солдатом, но была задержана. Пока она находилась на воле, в александровском посту было совершено несколько преступлений: убили лавочника Никитина, украли у поселенца еврея Юрковского 56 тысяч. Во всех этих преступлениях Золотая Ручка подозревается и обвиняется как прямая участница или пособница. Местная следственная власть запутала ее и самое себя такою густой проволокой всяких несообразностей и ошибок, что из дела ее решительно ничего нельзя понять. Как бы то ни было, 56 тысяч не найдены и служат пока сюжетом для самых разнообразных фантастических рассказов».

По освобождении она остается в Александровске на поселение, став хозяйкой маленького квасного заведения. Жила она с неким Николаем Богдановым, жестоким рецидивистом. По привычке постаревшая Сонька приторговывала краденым, подпольно торговала водкой и пользовалась у местных жителей большим авторитетом, несмотря на то что многие не верили в то, что эта изможденная жизнью женщина – настоящая Золотая Ручка...

Дочери Соньки, ставшие артистками оперетты, отказались от матери, жить былой красавице стало невозможно. Она решается на последний побег, но пройти сумела лишь несколько километров от Александровска. Конвойные нашли ее лежащей без чувств на дороге. Через несколько дней Золотая Ручка умерла...

О ней ходила масса слухов и легенд, издавалось несколько книг, наполненных вымыслами, а в 1915 году о ней был снят первый русский многосерийный фильм, весьма, впрочем, далекий от действительности. Почти сто лет спустя, в 2007 году, наш киномэтр Виктор Мережко забабахал про Соньку целый телесериал, поставленный по собственному же сценарию. С позиций телерейтинга – тема, безусловно, выигрышная. С позиций исторической правды и собственно искусства – зрелище, на мой взгляд, отвратительное. Помнится, на вопрос, что заставило его снять кино именно про этого человека, господин Мережко ответил кратко: «Уникальность и романтичность личности». Так вот, уверяю вас, никакой романтикой в жизни подлинной Соньки и не пахло. Что же до уникальности... Достаточно сказать, что у Соньки имелось немало последователей, которым также присваивали кличку Золотая Ручка.

Так, в начале 1880-х годов в Петербурге начала свою карьеру карманная воровка Анна Зильберштейн – красивая, ловкая и интеллигентная, она была известна под псевдонимом Анютка Ведьма. Ее имя гремело несколько лет, но в конце концов ее схватили и сослали в Сибирь, откуда она вернулась еще достаточно молодой и красивой – достаточно для того, чтобы вскружить голову одному весьма богатому и знатному чиновнику, за которого Ведьма в конце концов вышла замуж и жила довольно долго тихо и счастливо. Однако в начале XX века, после смерти мужа Анютка Ведьма вновь начала воровать в петербургских театрах – видимо, она страдала kleptomanией, потому что муж оставил ей большое наследство. В последний раз полиция арестовала ее в 1902 году на Литейном проспекте, где она, надевши траур, пыталась затесаться в похоронную процессию – хоронили действительного статского советника Грейга, а неугомонная Анна шарилась в скорбной толпе по карманам...

Золотой Ручкой № 3 стала известная питерская авантюристка Ольга Зельдовна Штейн – урожденная Сегалович. Она родилась в 1869 году в Стрельне и в 25 лет, приняв лютеранство, вышла замуж за профессора петербургской консерватории немца Цабеля. Попав в Петербург, Ольга быстро превратилась из скромной интеллигентной провинциалочки в шикарную сто-

личную мотовку – состояние мужа было пущено по ветру, что, естественно, привело к разводу. В 1902 году она выходит замуж за очень крупного чиновника фон Штейна, чей чин соответствовал генеральскому званию. На этот раз Ольга принимает православие, сменив отчество на Григорьевну. Муж оказался тряпкой, и «генеральша» начинает «кучерявую жизнь» – занимает деньги, посредничает в сделках при «торговле воздухом», сама торгует поддельными полотнами Рафаэля, Рубенса, камнями и золотом. К 1907 году она сумела провернуть около 20 афер, среди которых есть и вовсе экзотичные для того времени. В частности, Ольга сама научилась управлять автомобилем и угнала одну оставленную без присмотра машину, заложив ее позже в ломбард. Судя по всему, энергичная «генеральша» была одной из первых в нашем городе угонщицей автомобилей – а ведь ей уже было к тому времени глубоко за тридцать.

В конце концов, несмотря на ходатайство высоких покровителей, проделки Ольги Зельдовны дошли до суда, где ей было предъявлено обвинение в совершении 18 мошенничеств, афер, растрат и подлогов, – определением Санкт-Петербургской судебной палаты от 19 октября 1906 года она была передана суду присяжных... Красавицу фон Штейн освободили под залог, и она прилежно приходила на первые судебные заседания. Однако, поняв, что дело, мягко выражаясь, идет к осуждению, «генеральша» с помощью своих защитников... бежит в Америку на пароходе (а защитники, естественно, попадают на скамью подсудимых). В Соединенных Штатах она, однако, пробыла недолго – американское правительство арестовало ее и выдало обратно в Россию, где в 1908 году ее приговорили к 1 году и 4 месяцам заключения... Тюрьма Ольгу Зельдовну, естественно, не перевоспитала – выйдя на свободу, она с прежним задором принимается за старое – выходит замуж за барона фон дер Остен-Сакена и начинает новые аферы. В 1915 году ее приговаривают к 5 годам тюрьмы, из которой ее освобождает революция...

Бежать за кордон ей к тому времени было не к кому и не с чем – баронесса продолжает свой путь мошенницы и аферистки – в 1919 году она попадает под революционный трибунал, который ее оправдывает за недостаточностью улик. Но уже в начале 1920 года баронесса Штейн «кидает» некоего гражданина Ашарда, пообещав тому достать за его драгоценности муку, сахар и масло. Ашард, поняв, что его надули, обращается в 29 отделение милиции на Петроградской стороне – суд был скорым и беспощадным – трибунал приговорил ее к пожизненным общественно-принудительным работам... Но в том же 1920 году по случаю третьей годовщины революции ей сократили срок до 5 лет, а в 1921-м – до трех. Баронесса не отсидела и этого – мадам, которой было уже за 50, соблазнила Павла Кротова, начальника костромской исправительной колонии, где она «мотала срок».

Вместе с Кротовым она бежит в Москву, где начинается новый виток ее афер (снимаем шляпу перед этой женщиной, господа читатели, ей-богу, она вызывает невольное уважение своей несгибаемостью – фраза «не стареют душой ветераны» – это о таких, как она), – на угнанных автомобилях Ольга Зельдовна-Григорьевна разъезжает по Москве и собирает пожертвования в пользу голодающих. Но в начале 1923 года «московский период» заканчивается – Кротов погибает в перестрелке, прикрывая ее бегство от угрозыска, а схваченная позже баронесса заявляет, что начальник костромской колонии был сумасшедшим, – он-де изнасиловал ее и против воли увез в Москву, где втянул в свои преступные махинации... Баронессу передали на поруки петроградским родственникам, живущим в Шувалово, вскоре родственники пожалели о своем благородном поступке, обвинив 55-летнюю «баронессу-генеральшу» в краже у них денег. 23 ноября 1924 года Ольга Штейн была приговорена питерским судом к 1 году лишения свободы условно...

О дальнейшей ее судьбе известно лишь из легенд и слухов. Одни рассказывают, что баронесса вышла замуж за инвалида Красной армии и еще в 30-х годах торговала кислой капустой на Сенном рынке, другие – что она окончила свои дни в ссылке на Дальнем Востоке, обучая новое поколение преступников нелегкому ремеслу афериста... Вроде бы даже потом этой

неординарной женщине с удивительным запасом жизненной энергии поставили памятник на могиле «воры в законе» – кто знает, как все было на самом деле...

Однако вернемся в дореволюционный Санкт-Петербург – столицу Великой империи, чей преступный мир состоял, безусловно, далеко не только из более или менее симпатичных особ женского пола. Как уже упоминалось выше, в уголовной среде тогда складывалась четкая иерархия и специализация – были воры-аристократы, выходившие на международную арену (в революционный период все они эмигрировали за границу), и воры рангом ниже. К вора-аристократам относились прежде всего карманники-марвихеры, занимавшиеся кражами бумажников у солидных господ. В марвихере-аристократе трудно было с первого взгляда угадать преступника, наоборот, они, как правило, обладали весьма благообразной внешностью – выглядели как врачи или адвокаты. За несколько лет «работы» марвихер мог сколотить весьма приличное состояние. В Петербурге в 1880-х годах гремело имя знаменитого карманника Александра Макарова, по кличке Сашка Пузан, который начал свою карьеру с 11 лет – крал платки у прохожих. Через 6–7 лет работы его авторитет в воровской среде поднялся на невиданную высоту, полиция никак не могла его поймать, поскольку Пузан почти всех агентов знал в лицо. Сгубила Макарова водка, он стал сильно пить и умер от скоротечной чахотки в 23 года – на его похоронах присутствовал весь цвет питерской воровской аристократии.

В начале 1890-х годов лидерство среди карманников Питера отдавали Александру Хомякову, сыну отставного поручика, за что, вероятно, и получившему кличку Сашка Офицер. У Хомякова, судя по всему, склонность к дисциплине и строгой субординации была заложена в генах – он сумел организовать достаточно крупную шайку карманников со штаб-квартирой в одном из питерских притонов. По утрам, после обязательного прочтения газеты «Тираж», Хомяков как настоящий «рулевой» отдавал распоряжения – кому где работать. Кстати, вторая его кличка как раз и была – Сашка Руль. Судя по всему, успехи команды Хомякова сильно встревожили конкурентов – его «заложили» полиции, и в 1893 году суд приговорил Офицера к ссылке в арестантские роты на 3 года. Через год Хомяков бежал – очень уж хотел поквитаться с тем, кто его выдал, но – доносчик, похоже, оказался пошустрее – в 1894 году Офицера нашли на Обводном канале у Сивковых ворот с проломленной головой...

В эти же примерно годы «работали» в Питере супруги Требусы – симпатичная жена кокетничала с прохожими на улице, а муж у размечтавшихся господ шарил по карманам. Забавно, что при этом Аарон Хаймович Требус умудрился ни разу не попасться в полицию, в отличие от своей супруги, которую арестовывали трижды. В конце XIX века чета Требусов решила не искушать больше судьбу и эмигрировала в Лондон, где занялась виноторговлей и сдачей внаем мебелированных комнат...

Широко известен в своих кругах был и марвихер Григорий Штейнлов, специализировавшийся на снятии с богатых прохожих драгоценностей и эмигрировавший вовремя в Берлин.

Кстати, в мещанской питерской среде вор-карманник считался завидной партией, для таких женихов многие добропорядочные родители невесты всегда готовы были предоставить квартиры для убежища. Постепенно в Петербурге сложилась целая система таких «блатных» квартир – в основном в районе Лиговки и Сенной площади. Содержателей таких квартир называли «блатокаями» и очень ценили в воровской среде.

Отдельную воровскую касту составили «шнифера» – воры, проникавшие ночью в магазины и выносившие из них товары на большие суммы денег. К «шниферам» примыкали «подводчики» – разработчики операций и приемщики воровского товара. В 90-х годах XIX века в Петербурге одним из самых известных шниферов был Гришка Армянин, накопивший впоследствии достаточно денег для открытия своих рыбных промыслов.

Квартирные воры делились на «громил» и «домушников». Вся разница между этими двумя категориями заключалась в том, что «домушники» работали поодиночке, реже – парами, а «громилы» сбивались в достаточно многочисленные шайки.

В конце XIX столетия среди питерских «домушников» было довольно много «знаменитостей». На Васильевском острове промышляла «сладкая парочка» Константин Тележкин и Александр Тестов. Тележкин устраивался в богатые дома дворником и наводил потом Тестова на самые перспективные квартиры, «производительность» у друзей была довольно высокой – 12 очищенных квартир за семь месяцев. Однажды удача им изменила, в одной квартире их застукала полиция, преступники сначала было забаррикадировались и приготовились к отчаянному сопротивлению, но потом передумали, остыли, сдались и отправились в конце концов осваивать Сибирь-матушку.

На Петроградской стороне злодействовал еще более шустрый Ванька Горошек, он умудрялся «поставить» за месяц до 10 квартир. Горошка сгубила страсть к хулиганству и дешевым театральным эффектам – он разбрасывал в обворованных квартирахдохлых кошек, собак и крыс. (Возможно, именно с Горошка впоследствии будет брать пример знаменитая послевоенная банда «Черная кошка».) По этим следам Ваньку в конце концов и вычислили...

В начале 90-х годов XIX века начал свою карьеру известный домушник Безруков, служивший в «Пассаже» приказчиком. Ему было всего 15 лет, когда он начал залезать в магазинные форточки, пользуясь своим хрупким телосложением. Безрукова неоднократно судили и ссылали в Сибирь, но он с необыкновенным упорством возвращался в родной город и вновь принимался за любимое дело...

Не менее знаменитым был некто Краюшкин. Он происходил из семьи с «традициями» – его папа был достаточно авторитетным подводчиком. Краюшкин-сын служил в электротехнической военной школе и «домушничал» только в нерабочее время. Его часто приглашали как электрика в разные богатые квартиры сделать проводку – Краюшкин как следует осматривался, а потом уже залезал в знакомую квартиру. За один только год он совершил около 50 краж. Попавшись на пустяке, Краюшкин начал «косить» под больного и сбежал из госпиталя. Сразу же после этого побега он обворовал квартиру графа Нирода и эмигрировал в Америку, прислав начальнику уголовной полиции письмо с извинениями и просьбой не препятствовать его жене с дочкой приехать к нему – навсегда... Жену никто задерживать не стал.

Воры крайне редко шли на убийства и насилие – исключения, конечно, бывали, ну так «в семье – не без уроды». В 1880 году начал свою воровскую карьеру сын титулярного советника Николай Митрофанов, учившийся сначала в коммерческом училище, а потом в техническом училище морского ведомства. Этот хорошо образованный молодой человек в 1885 году был судим как член большой воровской шайки. Отбыв наказание, Митрофанов вернулся летом 1887 года в Петербург и продолжил преступную карьеру – «домушничал» в основном. Но однажды он пытался обокрасть квартиру, где горничной служила его любовница – Анастасия Сергеева, которая пыталась помешать своему ухажеру. Митрофанов перерезал Сергеевой горло столовым ножом и обобрал квартиру дочиста... Его поймали и приговорили к 20 годам каторги. Однако в 1901 году Митрофанов бежал и вынырнул в Питере под видом бравого казачьего офицера, чью грудь украшали два Георгиевских креста. (Здесь, к слову, любопытно вот что: оказалось, что эти кресты были не краденными, а действительно заслуженными Митрофановым во время «китайской войны», где он отличился под псевдонимом «доброволец Николай».) Полиция арестовала его, проникнув под видом водопроводчиков в квартиру его новой любовницы, мещанки Утrobiной, Митрофанов вновь был отправлен на Сахалин, где работал часовщиком, телефонистом и даже дирижером оркестра... Он несколько раз пытался бежать, но его все время ловили, и в конце концов Николай Митрофанов сгинул на каторге окончательно.

Особняком в воровском сообществе стояли «городушники» – магазинные воры, «работавшие» прямо на глазах продавцов и покупателей. Дело в том, что «городушники» обычно не воровали в тех городах, где жили постоянно, а приезжали гастролить – естественно, местные воры, хоть и вынуждены были считаться со своими иногородними собратьями, но все же особой привязанности к чужакам не испытывали, а при удобном случае и «капали» на них в полицию.

24 октября 1900 года в Петербург прибыла шайка «городушников» из Варшавы, возглавляемая опытным рецидивистом Валентием Буркевичем. При Буркевиче были три девушки – Констанция Робак, Антонина Гурная и известная варшавская воровка Текла Макарович. Вся эта команда сначала украла два бобровых воротника в меховом магазине петербургского городского головы Лелякова на Большой Морской, а потом направилась в «Гостинный Двор» в магазин золотых вещей Митюревой, где при попытке украсть футляр с дорогими серьгами воров задержали и передали полиции. Большие срока тогда были редкостью – Буркевича сослали на 4 года в арестантские роты, Гурная получила 3,5 года тюрьмы, а Робак отделалась 3 месяцами ареста...

Особую касту составляли конокрады, которые, как ни странно, были наиболее организованны из всех категорий воров. За ними стояла выработанная поколениями традиция аж с XVII века, что позволило организации конокрадов превратиться в некое «государство в государстве». Эта воровская профессия была, пожалуй, одной из самых рискованных в дореволюционной России – как правило, пойманных конокрадов убивали прямо на месте крестьяне и извозчики, для которых лошади были единственными средствами к пропитанию. Конокрады одними из первых научились вовлекать в свою деятельность полицейских – для «прикрытия» – и таких случаев известно множество. Их шайки состояли из десятков человек с четко распределенными обязанностями. Одни лошадей крали, другие меняли им внешность (перекрашивали и даже надували через зад в т. н. «золотых конторах»), третьи перепродавали, четвертые прикрывали... В Питере конокрады базировались в районе Сенной площади, но их организация была настолько хорошо законспирированной, что имена ее настоящих руководителей не дошли до наших времен...

Отдельно стоит сказать несколько слов о профессиональных картежниках-шулерах. Эта категория преступников, как правило, формировалась выходцами из высших слоев петербургского общества, однако с широким распространением карточной игры стали открываться игорные дома и попроще, чем знаменитый с середины XIX века Петровский яхт-клуб, расположившийся сначала на Троицкой улице, а потом в доме Елисеева на Невском. Шулера попадались достаточно часто, но до судов дела доходили редко – срабатывали связи, да и жертвы, скрывая свою страсть к игре, не особенно были заинтересованы в скандалах. В начале XX века в Петербурге жил известный всему шулерскому миру бывший цирковой борец по кличке Бугай, который со временем открыл собственное игорное заведение вместе с неким бывшим лакеем-шулером, отзывавшимся на прозвище Дубовый Нос, – но эти двое были лишь каплей в шулерском море Петербурга...

В ночь на 6 (19) февраля 1903 года в Санкт-Петербурге было совершено дерзкое преступление: из иконостаса Исаакиевского собора похитили святую икону Спасителя – Нерукотворный образ. Впрочем, вора сыскали достаточно оперативно – злоумышленника подвела... трезвость.

В половине шестого утра сторожа, совершая традиционный обход, заметили, что стекло в киоте, в котором помещался образ Христа Спасителя разбито, а сама икона отсутствует. Тотчас был отправлен гонец в полицию, а в храме срочно заперты все входные двери, на случай, если злоумышленник затаился где-то внутри и дожидается утренней службы, дабы смешаться с прихожанами. Однако тщательный розыск в храме не дал результатов, разве что сыскался брошенный возле клиросной решетки оскверненный образ, из которого оказались выдернуты

червоного золота оклад и бриллианты редкой величины и достоинства. Прибывшая полиция установила, что преступник проник в собор, разбив оконное стекло, и тем же путем удалился незамеченный. То бишь, кража лежала, в том числе, на совести сторожей, «проспавших» грабителя. Тем же утром газета «Новости дня» вышла с сенсационным сообщением, оценив общую сумму украденного в 75 тысяч рублей. Чуть позже размер ущерба был уточнен и снижен до 50 тысяч. Но дело, разумеется, было не в деньгах – преступник покусился на икону, перед которой молился сам император Петр Первый, и которую Исаакиевскому собору пожертвовал сам император Александр II.

В первую очередь подозрение пало на профессиональных кляквенников. В данном случае речь идет об особой категории воров, специализирующихся на кражах из церквей (от уголовного аргумента «кляква, крюка» – «храм, церковь»). Во все времена для этих категорий воров существовало лишь одно определение – святотатство, не случайно на Руси их хоронили не на православных кладбищах, а отдельно, вместе с самоубийцами. При жизни же человек, ограбивший храм, отлучался от церкви на пятнадцать лет, да и то, подобная «гуманная практика» сложилась лишь несколько столетий назад. К примеру, в Псковской судебной грамоте образца 1467 года за воровство в церкви однозначно полагалась смерть, при том что убийство казнью не наказывалось. Да и в более позднем Соборном Уложении 1649 года кража церковного имущества наказывалась смертью, а имущество вора отдавалось церкви. («А церковных татей казнить смертью же безо всякого милосердия, а животы их отдавати в церковныя татьбы»).

Но в данном случае профессиональные воры оказались не при делах, а всю сыскную работу за полицейских проделала некто г-жа Костанская. Которая, сопоставив ряд косвенных фактов, не мудрствуя лукаво, сдала сыску... бывшего мужа. Как выяснилось, в ночь ограбления Александр Костанский неожиданно заявился к жене, с которой четыре года жил отдельно, и попросил приютить. При бывшем супруге имелся небольшой узелок, испачканный кровью. «Не тронь его, там электричество, – предупредил Костанский. – Если удастся мое дело, буду страшно богат, а пока молчи». Г-жа Костанская, хотя и была женщиной малообразованной, однако вид мужа, который мало того, что явился неожиданно, так еще и вопреки обыкновению трезвым, показался ей подозрительным. Утром экс-супруг занял у нее 1 руб. 70 коп. на дорогу и уехал к матери в Новгородскую губернию, а встревоженная экс-жена отправилась за советом к родственникам. К тому моменту весть об ограблении Исаакиевского собора облетела весь город, и родственники посоветовали Костанской обратиться в полицию.

В итоге Александра Костанского задержали. В содеянном он сознался не сразу, поначалу утверждая, что в злополучном узелке хранилась бутылка наливки, купленная им по случаю недавних именин жены и которую он выпил сам, так как жена встретила его недружелюбно. Но в конечном итоге Костанский все-таки дал признательные показания. С его слов, кражу он задумал совершить давно, но долго не решался на нее, ощущая «непонятное волнение». Несколько раз он заходил в храм, приглядывался, в том числе убедился, что сторожа по ночам спят. Затем купил аршин черного коленкора, чтобы завесить разбитое окно. Бриллианты с лика Спасителя завернул в узелок, а сам венчик разрубил на мелкие кусочки и положил в отдельный пакетик. «Несчастливым я родился и несчастным умру», – вздохнул Костанский, признавая себя виновным.

Любопытнейший, надо сказать, типаж этот господин Костанский: сам происходил из духовного звания, учился в семинарии, но при этом был вовсе неверующим. Работал в театральной дирекции, потом писарем, но нигде подолгу не уживался по причине беспробудного пьянства. Пить, по собственному признанию, начал с четырех лет. Пил его отец, пила его мать. Один брат Костанского умер от пьянства, другой покончил с собой в припадке белой горячки, а сестры страдали нервным заболеванием. Неудивительно, что один из свидетелей, характеризую личность Костанского, заявил: мол, «не в кого ему быть нормальным».

За долгим судебным процессом с интересом следила охочая до таких историй публика, которая под конец прониклась жалостью к потомственному забуддыге. Когда суд приговорил Костанского к шести годам каторжных работ, свой приговор он выслушал безучастно, а вот дамы в зале рыдали. Э-эх, и сердобольный все-таки у нас народ – даже святотатей, и тех жалеет...

Одних преступников сажали, но на смену им немедленно приходили новые. Легенда гласит, что в начале XX века питерские воры даже создали свою «воровскую академию», в которой заслуженные марвихеры обучали мастерству талантливую молодежь. Выпускной экзамен в этой академии сдать было довольно трудно – молодой вор должен был под присмотром наставника вытащить кошелек из кармана выбранной жертвы, пересчитать деньги и положить обратно, так, чтобы прохожий ничего не заметил... А молодежь и впрямь подрастала талантливая, можно сказать – ищущая. В начале XX столетия петербургская полиция накрыла особую шайку «воров с пением» – в организацию входили 6 молодых карманников в возрасте от 18 до 20 лет, которые завербовали певца-куплетиста. За долю этот певец распевал перед толпой в садах, парках, притонах и трактирах смешные еврейские куплеты, а вся остальная шайка очищала карманы заслушавшейся публики... Другая молодежная шайка промышляла в Таврическом саду и состояла из девочек 14–15 лет и их чуть более старших кавалеров, известных полиции по кличкам Чудный Месяц, Васька Босоногий, Кит Китыч... (Преступная молодежь того времени вообще любила звучные прозвища типа Ванька-Карапузик, Сидор-С-Того-Света, Васька Черная Метла, Сергей Мертвая Кровь и т. д.) Шайка эта называлась «Гайдой» и работала следующим образом – девочки крали и попрошайничали, а мальчики страховали. В 1903 году, в 15-летнем возрасте, начал свой трудный жизненный путь знаменитый питерский карманный вор Григорий Васильев, известный под кличками Гришка Тряпичник и Гришка Иголка. Он крал и при царе-батюшке, и при Временном правительстве, и большевиках. К 1923 году он создал небольшую организацию воров и сам уже в основном лишь разрабатывал кражи, которых на его «боевом счету» было больше тысячи...

Одним из последних заметных событий в жизни преступного мира дореволюционного Петербурга стал разгром полицией в 1913 году шайки Мовши Пинхусовича Шифа – владельца ювелирного магазина, располагавшегося на Петроградской стороне по адресу Сытнинская, дом 9. Почтенный ювелир Шиф организовал вокруг себя шайку «громил» и «домушников» человек в 30, у которых скупал за бесценок краденое. Мовша Пинхусович давал своим подчиненным воровской инструмент, планы квартир и подробные инструкции для проведения краж. Правой рукой был его приказчик Ноэм Горель. Спалился Мовша Пинхусович глупо, как это обычно и бывает, – его выдал один из обидевшихся мелких перекупщиков. На квартире Шифа, где после удачных дел происходил дележ добычи и грандиозные попойки, полиция устроила засаду и задержала 13 воров – никто из них при задержании сопротивления не оказал, тогда это было как-то не принято.

А в 1915 году в петербургский салон, торгующий мехами, заявили двое молодых людей, почтительно ведя под руки своего «папашу» – престарелого, убеленного сединами генерала, мундир которого был густо увешан медалями и орденами. Молодые люди набрали товара (меховых шкурок) почти на две тысячи рублей и заявили приказчику, что отвезут меха показать матери, дабы та окончательно определилась в выборе. «Папаша-генерал» был оставлен в качестве залога: усаженный в кресло, в качестве «подарка от фирмы» он получил бесплатный кофий, коий и взялся дегустировать в ожидании возвращения сыновей. Надо ли говорить, что таковые в магазине больше не появились? Обеспокоенный приказчик вызвал хозяина, тот подступил к генералу с расспросами, прося назвать домашний адрес. Но в ответ услышал лишь непонимающее мычание – «папаша» оказался глухонемым. Прибывшая на место полиция вскоре установила, что «генерал» – бездомный старик, которого злоумышленники арен-

довали в качестве «ходячей ширмы», обвешанной побрякушками кустарного производства, за пять рублей и... дармовую выпивку...

К слову, акkurat в те, последние годы пребывания Петербурга в статусе столичного, в городе резко сделалась болезненно-актуальной наркотическая тема. А виной тому – Первая мировая война, вступив в которую Россия ввела на своей территории сухой закон. Причем под запрет попали не только водка, вино и самогон, но даже и пиво. Как результат: в городах, в первую очередь в столичных, сначала у местной богемы, а затем и в более широких кругах резко возрос интерес к кокаину и морфию как к альтернативе алкоголю. Тем более что поначалу эти наркотики продавались в аптеках практически свободно, в запечатанных баночках весом в один грамм и ценою-то всего в районе полтинника. В своей автобиографической книге «Дорогой длиною...» Александр Вертинский вспоминал: «...кокаин был проклятием нашей молодости. Им увлекались многие. Актеры носили в жилетном кармане пузырьки и „заряжались“ перед каждым выходом на сцену. Актрисы носили кокаин в пудреницах. Поэты, художники перебивались случайными понюшками, одолженными у других, ибо на свой кокаин чаще всего не было денег». Александр Николаевич знал, о чем писал, – в молодости он сам с великим трудом сумел излечиться от наркозависимости, а вот его сестра с этой болезнью не справилась и «погибла от кокса».

Российские власти довольно быстро среагировали на «аптечную нарковольницу» и ввели запрет на продажу кокаина без рецепта. Отныне доставать наркотик сделалось сложнее и, соответственно, цены на него взлетели. Теперь, вместо прежнего «полтинника» грамм кокаина «с рук» уходил по цене от 2 до 5 рублей за грамм. Тем не менее спрос на него оставался по-прежнему высок.

В сентябре 1915 года в Петрограде была накрыта профессионально работающая шайка продавцов кокаина и опия, главарем которой являлся дворянин А. В. Рахмаников. В ходе полицейской операции чиновнику для поручений Игнатьеву удалось выяснить, что, помимо кафе «Ампи́р» по Садовой улице, подпольная продажа наркоотравы производилась в «кафе Андре́ева», что на Невском, 44. Обычно торговля велась по вечерам, когда в сих заведениях собирались завсегдатаи – уличные феи, посетители тайных домов свиданий, беговые дельцы и прочие прожигатели жизни. В погоне за «сверхприбылью» члены шайки к чистому кокаину подмешивали мел, буру, мышьяк. Эти вспомогательные медпрепараты добывались на аптекарских складах при помощи знакомых служащих.

Что же касается источника происхождения наркотика у преступников, как выяснилось в ходе следствия, они добывали его под предлогом... лечения зубов. Некоторые «клиентки» Рахманикова «наострились» сами писать подложные рецепты и подписывали их фамилиями многих известных в городе дантистов, а те и знать не ведали, что их репутация используется столь циничным образом. Сгубила главаря шайки его щепетильность: всю черную бухгалтерию, равно как переписку с клиентами и поставщиками, он носил в портфеле, с которым не расставался. Так что когда Рахманикова задержали, то, помимо наркотиков «на кармане», полицейские обнаружили и «задокументированную» пищу для следственных размышлений.

Другое дело, что члены шайки, судя по всему, отделались лишь легким судебным испугом. По крайней мере, уже летом 1918 года на страницах петроградского «Синего журнала» мы снова встречаем г-на Рахманикова. И снова – применительно к «кокаиновой теме». Цит.: «Если вы когда-нибудь пройдете по Щербакову переулку, то, наверное, заметите фигуры фланкирующих незнакомцев. Они расхаживают по одиночке, точно поджидая кого-то. Иногда они заходят в чайную „Десятка“. Оди́ноко фланкирующие пешеходы – продавцы кокаина. Главные из них „Абрашка Вольман“, опустившийся на дно потомственный дворянин Рахмаников, бывший чиновник Касьянов. Когда-то славился бывший студент Володя Волков. Не так давно он убит другим продавцом кокаина в номере Караванной гостиницы. Чего-то они не поделили и два удара кинжалом на смерть поразили Володю. Володя славился умением подделывать

рецепты для получения яда из аптек. Он сам нюхал кокаин и ему все равно оставалось недолго жить...» Автор данного очерка, описывая нравы и быт в том числе и дореволюционных кокаи-нистов, рассказывает, что некоторые полицейские агенты обкладывали их громадными даяниями под угрозой преследования. (Как это всё нам знакомо, не правда ли?) Так вот сам Рахмаников уверял, что он «чуть ли не ежемесячно уплачивал служившему в сыскной полиции и уволен-ному оттуда после революции агенту до 7000 руб. в месяц. Сам агент в конце концов также увлекся кокаинизмом и чуть не стал жертвой этого яда». А коли так, может и то самое громкое сентябрьское дело 1915 года также не обошлось, без «выплаты дани»?..

Хотя, в целом же следует признать, что в те далекие годы преступный мир и полиция относились друг к другу, как правило, с уважением (бывали, конечно, всякие казусы – типа такого, например, – некий вор Руздижан зашел однажды в кабинет к приставу попросить о про-длении паспорта и заодно прихватил с собой шкатулочку с семью тысячами казенных денег) и «беспредела» друг другу не устраивали – преступники занимались своим ремеслом, полиция – своим. И мало кто тогда мог предположить, что буквально через несколько лет в Петербурге начнется настоящая кровавая вакханалия сорвавшегося с неведомой цепи бандитизма...

Ноябрь 1995 – февраль 1996 гг., лето 2008 г., осень 2015 г.

Часть вторая. Рожденные революцией. Крещенные блокадой

Революционный кошмар 1917 года стал мощным катализатором в развитии уголовных тенденций Петербурга. Непредвзято, спокойно, без влияния различных политических коррективов криминогенная обстановка того времени практически не изучена до сих пор, и тому есть весьма понятные объяснения.

Во-первых, и после Февральской революции, и после Октябрьской последовали массовые амнистии, причем свободу получали как политические, так и уголовники. Советская власть достаточно долго полагала, что уголовники с дореволюционным стажем – это меньшие враги, чем контрреволюционеры, или вообще не враги, а «социально близкие», «социальные попутчики» на дороге в светлое будущее. Дело в том, что еще до 1917 года политическое и уголовное подполье России постоянно пересекались и даже помогали друг другу. Стоит вспомнить хотя бы такой пикантный факт: часть бюджета большевиков составили деньги, добытые эксками – т. е. банальными грабежами и разбоями. Разные нелегальные партии активно контактировали и с контрабандистами. Наконец в тюрьмах и ссылках политические сидели бок о бок с уголовниками, поэтому поток взаимомиграций был, конечно, неизбежен. Стоит отметить, что в революционном угаре было уничтожено много полицейских архивов. Удивляться этому обстоятельству тоже не стоит. Часто офицеры уголовной полиции, не занимаясь специально разработкой политических, получали, тем не менее, от своей агентуры любопытную информацию компрометирующего характера, в том числе и о тех людях, которые в 1917-м заняли большие посты. Один, скажем, был кокаинистом, другой – пассивным педерастом, третий работал на связи с сыщиками, четвертый участвовал в обмене награбленных денег на валюту... Всю эту компру нужно было как-то срочно уничтожить, поэтому были сынифицированы вспышки «народного гнева», от которых загорались полицейские участки, и в благородном очистительном пламени исчезали, порой навсегда, имена, клички, судимости...

Уголовный мир раскололся. Часть его (малая) действительно пошла на службу советской власти, другие же просто поняли, что пришел их час. Человеческая жизнь в Питере 1917 – начале 1918 годов стоила сущие пустяки. Преступная элита, специализирующаяся на сложных аферах, стала покидать город, а главными уголовными темами стали уличные разбои и самочинки – самочинные обыски, производимые у зажиточных людей под прикрытием настоящих или, чаще, липовых чекистских удостоверений.¹³

Вот несколько цитат из одного только номера «Красной газеты», от 23 февраля 1918 года:

...В трактир «Зверь», угол Апраксина переулка и Фонтанки, явились два неизвестных с самочинным обыском и стали требовать у посетителей денег...

...Вчера по Дегтярной улице, дом 39/41, разгромили магазин Петрова. Похищено товару на 1190 рублей...

...По постановлению комиссии по борьбе с контрреволюцией грабители князь Эболи и Франциска Бритте расстреляны за участие в целом ряде грабежей...

...Из комиссии были отправлены под конвоем: Браун, Алексеев, Корольков, Сержпуховский, задержанные за грабежи под видом обыска. По дороге в тюрьму все они были расстреляны красноармейцами за попытку к бегству...

¹³ Тема эта будет жить долго. Самочинные обыски в нашем городе были очень популярны в 1970-х годах – трясли тех, кто в настоящую милицию потом не обращался, боясь резонных вопросов от ОБХСС: как, мол, столько добра-то накопили, граждане потерпевшие... Но в 1970-е самочинки назывались уже по-другому – «разгонами».

...Вчера с угла Сергиевской и Фонтанки доставлен в Мариинскую больницу неизвестный без признаков жизни, расстрелянный за грабеж...

Из этих цитат видно, что Питер жил в те дни интересной, насыщенной жизнью. Кстати, уголовные преступления совершали тогда не только представители взбесившегося охлоса, но и вполне приличные в прошлом люди. 24 мая 1918 года была раскрыта и ликвидирована банда самочинцев, которой руководил бывший полковник царской армии Погуляев-Демьянов. О количественном составе этой компании можно судить по таким впечатляющим цифрам: на штаб-квартире у грабителей было изъято 27 винтовок, 94 револьвера и 60 гранат...

Таких, как этот полковник, стали называть «бывшими». Большинство из них совершали грабежи, чтобы добыть денег на последующее пристойное существование в эмиграции, кому-то это удалось, а кто-то навсегда влился в уголовный мир. Приток этой свежей крови существенно обогатил бандитский Петербург того времени – «бывшие» были более образованны, более развиты, чем уголовники дореволюционного периода.

С другой стороны, за царскими уголовниками были традиции, налаженные каналы сбыта краденого и награбленного, отработанная методика залеганий на дно и т. д. Некоторые уважаемые эксперты считают, что именно в альянсах того времени «бывших» и старых профессиональных уголовников начал формироваться феномен российской организованной преступности...

Уличные разбои того времени стали проходить с выдумкой и некой чисто питерской изюминкой. В 1918 году в Петрограде появилась банда «живых покойников», или попрыгунчиков. Деятельность этой команды приобрела такой размах, что даже нашла отражение в классической литературе. Вот что писал об этой банде Алексей Толстой в романе «Восемнадцатый год» из знаменитой трилогии «Хождение по мукам»: «В сумерки на Марсовом поле на Дашу наскочили двое, выше человеческого роста, в развевающихся саванах. Должно быть, это были те самые „попрыгунчики“, которые, привязав к ногам особые пружины, пугали в те фантастические времена весь Петроград. Они заскрежетали, засвистали на Дашу. Она упала. Они сорвали с нее пальто и запрыгали через Лебяжий мост. Некоторое время Даша лежала на земле. Хлестал дождь порывами, дико шумели голые липы в Летнем саду. За Фонтанкой протяжно кто-то кричал: „Спасите!“ Ребенок ударял ножкой в животе Даши, просился в этот мир».

Банду попрыгунчиков возглавлял некто Иван Бальгаузен, уголовник с дореволюционным стажем, больше известный в своей среде под кличкой Ванька Живой Труп¹⁴. Бальгаузен встретил Октябрьскую революцию с пониманием: тут же напялил матросскую форму и начал «экспроприацию экспроприаторов». Однако самочинами в то время в Петрограде занималось столько разного серьезного народа, что конкуренция в этой сфере постепенно становилась опасной для жизни. А стрелять Живой Труп не любил. Хотя и приходилось ему порой обнажать ствол, но к 1920 году на Бальгаузене висело всего два покойника (не живых, а самых настоящих мертвых), что по тем крутым временам было просто мелочью. У Ваньки был приятель – запойный умелец-жестянщик Демидов, который в перерывах между загулами сделал страшные маски, ходули и пружины с креплениями. Жуткие «покойницкие» саваны сшила любовница Бальгаузена Мария Полевая, хорошо известная охтинской шпане под кличкой Манька Соленая. Сама идея пугать суеверных прохожих до полубоморочного состояния, кстати, была не нова. Еще до революции ходили смутные слухи о подобных ограблениях, но, безусловно, заслуга Живого Трупа в том, что он запустил методику на поток. Численность попрыгунчиков в разное время колебалась от пяти до двадцати человек, а возможно, нашлись и подражатели, так сказать плагиаторы идеи. К марту 1920 года за «живыми покойниками» числилось

¹⁴ Кстати, похожая кличка была еще до революции у одного питерского грабителя, орудовавшего в районе нынешних Пороховых; его звали Павлушка Покойник.

только зарегистрированных эпизодов более сотни, а ведь многие жертвы в милицию или ЧК не обращались, боясь, что там их могут вообще расстрелять как социально чуждых, – бедняков, как известно, грабят намного реже, чем людей более-менее обеспеченных... Получалось, что попрыгунчики ходили на разбой как на работу. Нечасто, согласитесь, уважаемый читатель, встретишь такую преданность любимому делу!

«Живые трупы» злодействовали до весны 1920 года. Руки у милиции до них долго не доходили. Попрыгунчики редко применяли насилие – примерно лишь в одном из десяти разбойных нападений. Может, именно этим объясняется такое долготерпение к ним чекистов. Но, как говорится, всему приходит конец, да и идея уже понемногу себя изжила... Живой Труп попался на элементарную подставу. В излюбленных рабочих местах попрыгунчиков – в районах, прилегающих к Смоленскому и Охтинскому кладбищам, а также рядом с Александрово-Невской лаврой – стали появляться какие-то поддатые мужики, то ли мастеровые, то ли крестьяне. Суть в том, что эти люди постоянно громко хвастались своими успешно провернутыми делишками, давшими хороший барыш... Как правило, за плечами этих мужиков были туго набитые разной снедью мешки. Бальгаузен клюнул на эту наковку, но, когда однажды ночью шайка накинулась на мужиков, дико завывая по своему обыкновению – заклинание не сработало. Мужики, вместо того чтобы описаться от ужаса, достали вдруг наганы и угрюмо попросили поднять руки вверх... С малины попрыгунчиков, располагавшейся в доме № 7 по Малоохтинскому проспекту, было изъято 97 шуб и пальто, 127 костюмов и платьев, 37 золотых колец и много другой всякой всячины...

Суд над попрыгунчиками был скорым и суровым. Бальгаузена и Демидова расстреляли, не приняв во внимание их социальное происхождение, чувство юмора и изобретательность... Что же касается Маньки Соленой, то говорят, что, отсидев, она работала в ленинградском трамвае кондуктором...

Совершенно жуткая история разыгралась в Петрограде в последний день лета 1920 года: вечером 31 августа дежурный патруль петроградской милиции услышал звуки выстрелов, доносившихся со стороны дома 26/28 по улице Красных Зорь (ныне – Каменноостровский пр.). Через несколько минут милиционерам удалось задержать выбегающих из парадной вооруженных людей, не оказавших ни малейшего сопротивления по той причине, что в их револьверах просто не осталось патронов. Поднявшись в квартиру № 116 даже бывалые стражи порядка пришли в ужас, насчитав на месте преступления восемь человек убитыми и десять ранеными (!).

Истоки этой бойни берут начало еще в 1918 году, когда в ходе короткой, но кровопролитной гражданской войны в Финляндии вооруженные отряды финских рабочих и сельской бедноты, гордо именуемые «красная гвардия» (фин. Punakaarti), потерпели сокрушительное поражение. Попытка большевистского переворота не удалась и несколько десятков тысяч финских «красных», под предводительством Отто Куусинена, бежали в Советскую Россию. Здесь, с благословения «старших большевистских товарищей», Куусинен наспех сколотил Коммунистическую партию Финляндии (КПФ), которая, как и многие другие тогдашние иностранные компартии, существовала за счет дышащего на ладан бюджета молодого воюющего государства рабочих и крестьян. Цель у КПФ по сути была только одна – пока не вспыхнула Мировая Революция, вести точечную подпольную борьбу с финской буржуазией.

Вот только... Время шло, а «мировой пожар» никак не желал разгораться. Разговоров, лозунгов и резолюций было много, а вот до конкретного дела все как-то не доходило. Многотысячная команда пребывающих на российской территории финских «штыков» страдала от «казарменного» времяпровождения и... банального недоедания, так как обеспечить полноценным довольствием такую прорву нахлебников было непросто. Другое дело, что в строгом соответствии с впоследствии сформулированным Джорджем Оруэллом тезисом «все животные равны, но некоторые – равнее других», финская партийная верхушка бытово устроилась

вполне себе комфортно. Так, к примеру, в Петрограде местное руководство КПФ, включая Ивана (Юкку) Рахья (тот самый бывший рабочий-металлист, что в ночь на 25 октября 1917 года сопровождал Ильича от конспиративного прибежища на ул. Сердобольской к штабу революции в Смольный) проживало в шикарных гостиничных номерах со всеми удобствами, тогда как рядовые члены партии ютились в бывших казармах Павловского полка, где спали фактически на полу. В Москве же условия содержания партийной финской элиты были еще круче. Супруга Отто Куусинена в дальнейшем будет вспоминать: «ежегодно мы получали от бесклассового общества новую машину, разумеется бесплатно, имели квартиру, дачу, шофера, домашнюю прислугу – тоже совершенно бесплатно... Продукты отпускались вне очереди и в неограниченном количестве...» Понятно, что при вопиющем внутрипартийном расслоении недовольство рядовых партийцев нарастало в геометрической прогрессии и к августу 1920 года достигло критической массы – заговорщики из числа петроградско-финских радикальных социал-демократов, впоследствии окрещенные «револьверной оппозицией», решили ликвидировать зажавшуюся партийную верхушку, порочащую романтические идеалы революции.

В злополучном доме по улице Красных Зорь в ту пору проживало сразу несколько «высокопоставленных» финских коммунистов, а квартира № 116 была оборудована под место проведения партийных собраний и именовалась «Финским рабочим клубом имени О. В. Куусинена» (в просторечье – «Клуб Куусинена»). Вечером 31 августа здесь открылась очередная партийная конференция, принять участие в которой планировала едва ли не вся верхушка КПФ, и то был идеальный случай для заговорщиков покончить со всеми ненавистными товарищами разом.

В силу разных причин главные партийные вожак в последний момент заседание проанкировали. Но отступать было поздно, и к девяти часам вечера к клубу выдвинулись шесть (по другим сведениям – девять) финнов – курсантов красногвардейской школы. По завершении основного доклада Иван Рахья вышел перекурить в прихожую и стал первой жертвой «мстителей». Покончив с ним, нападавшие ворвались в зал заседаний и принялись методично расстреливать соплеменников. Войдя в раж, не щадили никого – выстрелом в затылок убили даже секретаршу Лиису Саволайнен, которая пыталась вызвать помощь по телефону. Пальба велась в течение нескольких минут – до последнего патрона и до первых милиционеров. А те, едва оправившись от шока, испытанного масштабами смертоубийства, вскоре испытали новый шок, когда выяснилось, что все задержанные преступники являлись «отличниками боевой и политической подготовки», проверенными, на хорошем счету членами КПФ.

Понятно, что замолчать злодеяние с таким количеством жертв и пострадавших было нереально. Так что петроградским властям и чекистам пришлось изрядно поломать головы, дабы изобрести для сограждан удобоваримую версию произошедшего. Как результат – похороны состоялись лишь 12 сентября. К этому времени все газеты гневно отписались о «подлой террористической выходке» мифических белофиннов, потому церемония похорон вылилась в грандиозную гражданскую панихиду: на Марсовом поле, при огромном стечении народа, тела погибших опустили в общую братскую могилу, на которой установили камень с восьмью высеченными финскими фамилиями. Когда гробы опускали в землю, пушки Петропавловки дали поминальный залп. А над скорбной толпой рвалась на ветру кумачовая растяжка-плакат с призывом «Через трупы товарищей финнов – вперед к коммунизму»... Интересно, не отсюда ли берет свое происхождение распространенная народная прибаутка-отшутка «только через мой труп»? И знают ли регулярно навещающие на Марсово поле молодожены о том, что они возлагают свои свадебные цветы, в том числе, жертвам давней внутрипартийной финской разборки...

Но то, что называется, «большая политика». А вот возвращаясь к чистому криминалу, следует признать, что гораздо более жестким по сравнению с расстрелянным Бальгаузенем

был знаменитый питерский бандит Иван Белов по кличке Ванька Белка. Его уголовный стаж также начался еще до 1917 года. Белка стал одним из самых первых послереволюционных самочинщиков. Вокруг него довольно быстро сложилась шайка человек в 50, ядро которой составляли десять опытных уголовников. Обычно они под видом чекистов или агентов угрозыска вламывались в какую-нибудь богатую квартиру и изымали ценности, избивая или убивая хозяев в случае малейшего сопротивления. Иногда их наглость доходила даже до того, что бандиты оставляли хозяевам безграмотные расписки-повестки, в которых предлагали жертвам явиться для дальнейшего выяснения всех вопросов на Гороховую, 2, где в то время базировалась питерская ЧК... Банда Белки не гнушалась грабить и церкви, хотя позже, после арестов, многие из бандитов требовали себе священников для исповеди, уверяя милиционеров в своей глубокой религиозности...

Поскольку за Белкой и его людьми тянулся уже достаточно густой кровавый след, за них принялись всерьез. К середине 1920 года многие кореша Белова уже сидели за решеткой, однако взять самого Ваньку никак не удавалось. Говорили, что Белка, зная о том, какая охота на него началась, стал предпринимать контрмеры. Его бандой занимался агент угрозыска Александр Скальберг, который считал, что сумел завербовать одного из ближайших сообщников Белова. Этот «завербованный» прислал однажды Скальбергу записку, в которой приглашал на встречу в Таировом переулке, недалеко от Сенной, известной своими малинами и притонами. Скальберг пошел навстречу и нарвался на засаду. Четыре бандита оглушили его, связали, пытали, а потом убили, разрубив на части... Убийство это исполнила личная бригада ликвидаторов Белки – Сергей Плотников, Григорий Фадеев, Василий Николаев и Александр Андреев по кличке Сашка Баянист. Коллеги погибшего Скальберга сумели взять эту милую компанию почти сразу после убийства агента угрозыска. Когда Скальберг пропал, товарищи обнаружили в его квартире в кармане пиджака записку с приглашением в Таиров переулок... Эту четверку без лишних проволочек расстреляли, а между бандой Белки и чекистами началась самая настоящая война на истребление в стиле классического вестерна.

Розыск Белки возглавил Иван Бодунов, о котором Юрий Герман позже напишет повесть «Наш друг Иван Бодунов» (режиссер Алексей Герман снимет по мотивам этой повести замечательный фильм «Мой друг Иван Лапшин»). Белов понимал, что кольцо вокруг него начинает понемногу сжиматься, и решил лечь на дно в одной из малин на Лиговке. Оттуда он продолжал руководить бандой, давая своим подопечным указания, а иногда и лично принимал участие в делах. Всю осень 1920 года чекисты гонялись за бандой, несколько раз им удавалось сесть на хвост и даже вступить в огневой контакт, но Белка уходил. Осенью 1920-го и в начале 1921 года в перестрелках погибли пять милиционеров и четверо бандитов. Среди последних был и приближенный Белова, Антон Косов по кличке Тоська Косой. Банда начинала разваливаться. Белка понимал, что самое разумное в сложившейся ситуации – срочно уходить из города. Но он рассчитывал на последний фартовый куш, ему нужны были деньги, чтобы скрыться, а фарт все не выпадал... Ванька нервничал, пил запоем, все больше зверел... К весне 1921 года на счету его банды было уже двадцать семь убийств, восемнадцать раненых и больше двухсот краж, разбоев и грабежей...

В это время тезка бандита чекист Бодунов внедрялся подряд во все притоны Сенной и Лиговки, выдавая себя за уголовного, – с его внешностью и знанием блатной музыки задача была рискованная, но посильная. И Бодунову повезло. В одном шалмане он сумел-таки раздобыть адрес лежбища Белки – Лиговский проспект, 102. Более того, Бодунов узнал день, когда на этой малине должен был пройти воровской сходняк. Дом на Лиговке взяли под круглосуточное наблюдение и после того, как вся банда собралась, притон оцепили... Погулять как следует Белову с друзьями на этот раз не дали – шалман решено было брать штурмом. Хоть бандиты и были почти поголовно пьяны или под кайфом, поставить человека на шухер они не забыли.

Поэтому неожиданного захвата не получилось. Завязался настоящий бой, о котором долго еще вспоминали потом по всем питерским притонам:

Прогудело три гудочка
И затихло вдали,
А чекисты этой ночью
На облаву пошли.
Оцепили все кварталы,
По малинам шелестят.
В это время слышно стало –
Где-то пули свистят...
Как на нашей на малине
Мой пахан отдыхал.
Ваня, Ванечка, роди-и-май,
Звуки те он услышал... –

ну и так далее.

Белка с братками, понимая, что терять ему нечего, отстреливался с отчаянием обреченного, но его фарт уже кончился. В той перестрелке погибли он сам, его жена и соучастница и еще десяток бандитов. Со стороны милиции погибло двое. После того как главари были перебиты, остальные уркаганы сдались. Большую часть из них расстреляли по приговору суда.

Как интересно иногда распоряжается человеческой памятью судьба! Ванька Белка действовал еще до того, как стал известен в Питере Ленька Пантелеев. И вроде даже похожие по методам совершали они преступления, и смерть Белова по уголовным понятиям была вполне «героической». А вот про Леньку знают все, а Белову суждено было забвение, так же как и сменившему его на олимпе бандитского Питера Лебедеву (этого последнего, кстати, тоже уничтожил Иван Бодунов). Прошу уважаемого читателя понять меня правильно. Я вовсе не призываю помнить и знать всех бандитов поименно, но, согласитесь, трудно понять принцип избирательности народной памяти по отношению к антигероям...

Как бы то ни было, но именно Леньке Пантелееву предстояло стать суперзвездой уголовного мира не только Питера, но и всей страны на долгие годы. После смерти Леньки о нем будут слагать блатные песни, писать книги и снимать фильмы. Хотя знаменитостью он успел стать еще при жизни.

Леонид Иванович Пантелеев (наст. фамилия – Пантёлкин) родился в 1902 году в Тихвине, который в ту пору входил в состав Новгородской губернии. Получив начальное образование, Леонид вскоре освоил непыльную и престижную профессию печатника-наборщика, после чего стал работать в газете «Копейка» и вести вполне законопослушный образ жизни. Может, он так и прожил бы жизнь тихую и незаметную, не случись в семнадцатом году всего того, что изменило жизнь не только России, но и многих других стран и народов.

В 1918 году Пантелеев записался добровольцем в Красную армию, был направлен в расположение части, воевавшей на Нарвском фронте и принял участие в боях с войсками генерала Юденича и белофиннами. Воевал молодой человек отменно, можно даже сказать героически: без специального военного образования дослужился до должности командира пулеметного взвода, затем умудрился попасть в плен, бежать из него и снова вернуться в строй. По окончании основной фазы Гражданской войны Пантелеев попал под демобилизацию и в 1921 году был уволен в запас.

К тому времени стихия войны, атмосфера риска, азарта, насилия настолько захватила Пантелеева, что ни о каком возвращении к прежней мирной специальности не могло быть и речи. В итоге Леонид поступает на службу в Чека: в июле 1921 года его оформляют на должность следователя в дорожно-транспортную ЧК Северо-Западных железных дорог. Одна из легенд утверждает, что принимал Пантелеева на службу чуть ли не сам Дзержинский, что вполне может быть как правдой, так и результатом последующего мифотворчества.

Вот только в «чрезвычайке» Пантелеев надолго не задержался. Сперва сослуживцы начали подозревать Лёньку в употреблении наркотиков, затем прошла информация, что он-де участвовал в самочинных «обысках», наконец на обыске настоящем куда-то вдруг запропала золотая безделушка, которую якобы видели у Пантелеева в руках... И хотя, помимо нескрываемой лютой неприязни к зарождавшемуся классу нэпманов, более весомых доказательств Лёнькиной вины, похоже, не было, но... кому они тогда были особо нужны? Общая масса негативной информации о Пантелееве превысила критическую отметку и из ЧК его вышибли. Кстати сказать, не исключено, что основной причиной его увольнения стали отнюдь не криминальные «грешки», а Лёнькина неспособность влиться в коллектив, вовремя попридержать язык и шепучный характер. Говорят, у него уже тогда стал проявляться эдакий «наполеоновский комплекс»: на товарищей своих смотрел, как на быдло, разговаривал «через губу» – ну кому это может понравиться?

Для Пантелеева, планировавшего сделать в ЧК головокружительную карьеру, увольнение стало настоящим шоком. Лёнька предпринимает несколько попыток восстановиться в органах, однако у него ничего не выходит, и вот тут оскорбленное самолюбие и общая авантюристичность натуры не оставляют экс-чекисту никакого иного пути, кроме как... в банду. В данном случае Пантелеев стал как бы Ванькой Каином наоборот. Каин из воров подался в сыщики, а Лёнька – из сыщиков в воры.¹⁵ Среди знакомых Пантелеева был опытный уголовник Белов, который, возможно, первым сумел разглядеть в Лёньке необходимые для лидера банды черты характера. Впрочем, справедливости ради стоит все же отметить, что бандитствовать отставной чекист начал не на следующий же после увольнения день – первый «официальный» свой налет Лёнька совершил 4 марта 1922 года, ограбив квартиру меховика Богачева в д. 30 по улице Плеханова. Тогда все еще обошлось без жертв, без стрельбы – были лишь угрозы оружием. 8 марта произошло новое ограбление, на этот раз квартиры врача, и, видать, понравилась Пантелееву новая работа, потому что грабежи и разбои с его участием пошли один за другим. Помимо налетов на богатые квартиры банда, в которую кроме Пантелеева входило еще человек десять бандитов (Варкулевич, Гавриков, Белов, Рейнтон, Лысенков и др.), не брезговала и обычным вульгарным гоп-стопом. Они раздевали на улицах припозднившихся прохожих, подданных посетителей ресторанов, игровых, покидающих игорные заведения.

Однако назвать Пантелеева знаменитостью пока еще никак нельзя. Чтобы раскрутиться и стать звездой, нужно помимо прочего еще и время. Поэтому не совсем понятна странная история с рапортом, поступившим летом 1922 года в питерское УГРО от бывшего сотрудника ЧК, некоего товарища Васильева. Однажды Васильев случайно опознал в трамвае «известного бандита Пантелеева» и бросился за ним в погоню проходными дворами. Такая вот возникает, мягко говоря, нестандартная ситуация – один бывший чекист среди бела дня гонится за другим. Пантелеев пару раз стрельнул в Васильева, промахнулся, выскочил на набережную Фонтанки и наткнулся на начальника охраны госбанка Чмутова. Пока Чмутов тянулся за своим оружием,

¹⁵ С некоторых пор получила хождение альтернативная историческая версия, согласно которой увольнение Леонида Пантелеева из ЧК на самом деле было инспирировано с целью последующего его перевода на нелегальное положение и оперативного внедрения в преступную среду Петрограда. Ну а дальше, дескать, случился «эксцесс исполнителя», и вкусивший крови вкупе с легкой жизнью чекист-разведчик попросту... заигрался в бандита. Основанием для возникновения такой версии послужил тот факт, что в обнаруженном личном деле чекиста Пантёлкина (Пантелеева) отсутствуют дата и номер приказа об увольнении. Что, само по себе, впрочем ничего не доказывает. Равно как и не опровергает.

Пантелеев двумя выстрелами убил его и ушел проходными дворами... Что при этом делает бывший чекист Васильев – непонятно.

Повторяюсь, звезда Пантелеева еще не взошла, бремя «славы» еще впереди. О нем только-только начали поговаривать, как раз после этой истории с Васильевым и Чмутовым. 26 июня 1922 года Пантелеев с Гавриковым и Беловым совершили налет на квартиру известного врача Левина. Бандиты, переодетые для чего-то матросами, явились к нему под видом пациентов, связали и начали увлеченно искать чем бы пожить в огромной квартире. В связи с неожиданным приходом жены Левина и их жилищки, налетчикам пришлось ненадолго оторваться от приятного занятия, они связали женщин и унесли их в ванную комнату. В общей сложности налет продолжался более двух часов. Усталые, но довольные, бандиты набили изъятим добром большую корзину и чемодан, вышли из дома, сели на извозчика и скрылись. Позже оказалось, что на квартиру доктора бандитов навел его же родной племянничек. Молодой человек, надо признать, был довольно шустрым – при дележе добычи он сумел обмануть бандитов и забрать себе большую часть.¹⁶

9 июля Пантелеев и Ко нанесли визит ювелиру из «Гостиного Двора» Аникееву, проживавшему в доме по Чернышеву переулку. На этот раз бандиты представились сотрудниками ГПУ, даже показали фальшивый ордер на обыск. 14 июля по такой же схеме была вычищена квартира доктора Ишенса в Толмачевом переулке. Банда Пантелеева знала, у кого можно пожить. Видимо, Леньку кто-то постоянно снабжал очень ценной информацией. Ходили слухи, что у Пантелеева были свои люди в правоохранительных органах, и, как будет видно ниже, эти слухи имели под собой кое-какие основания...

25 августа на Марсовом поле Пантелеев и Гавриков ограбили трех пассажиров извозчицей пролетки, двух мужчин и женщину, сняв с них практически все. 1 сентября Пантелеев в одиночку раздел на улице Толмачева у клуба «Спленидид-Палас» супружескую чету Николаевых. В эту же ночь в перестрелке с конным отрядом милиции товарища Никитина погиб правая рука Леньки – Белов.

О Пантелееве постепенно начинали ходить по городу романтические легенды. Дескать, Ленька грабит исключительно буржуев, скопивших богатства за счет обмана и эксплуатации трудового народа. Образ Леньки рисовался в этаких героических тонах – смелый, аккуратный, благородный с дамами. К Леньке прочно прилипла кличка Фартовый. Пантелеев и сам очень стремился походить на благородного разбойника – старался франтовато одеваться, манерничал и гнал понты на публике. 4 сентября в полдень Пантелеев и Гавриков остановили на углу Морской и Почтамтского переулков артельщика пожарного телеграфа Мануйлова, переносившего чемодан с деньгами. Видимо, это снова была чья-то блестящая наводка – как-то не верится, что ношение чемоданов с деньгами по улицам нашего города в те времена было распространенным явлением... После удачного дела бандиты решили обновить свой гардеробчик и направились в магазин на углу Невского и Желябова выбрать себе новую обувь. И надо же такому случиться, с теми же намерениями в магазин зашел начальник 3-го отделения милиции товарищ Барзай, который узнал Леньку. Началась пальба, Барзай был убит, но этот день, так хорошо начавшийся для Леньки, испортился окончательно. Неподалеку оказалась довольно большая группа чекистов, среди которых был, кстати, наш с вами, уважаемый читатель, старый знакомый – Иван Бодунов. После ожесточенной перестрелки бандитов удалось захватить живыми...

¹⁶ Этот Левин при таких задатках мог далеко пойти, но, судя по тому, что в дальнейшей истории бандитского Петербурга он не просматривается, кто-то его остановил. Видимо, не всем нравилось, когда их кидали. Через семьдесят с лишним лет знаменитостью в Питере станет другой Левин – тот, который умудрился при помощи компьютера, находящегося в офисе на Большой Морской, похитить сумасшедшее количество долларов из американского Ситибанка. Может, эти двое Левиных – родственники? Тогда у «нашего» Левина могла быть хорошая отмазка для суда. Не отвечает же человек за тяжелую наследственность, в конце концов...

Началось следствие, которое не было слишком долгим. Уже в начале ноября дело передали в суд. 11 ноября питерские газеты вышли с первыми отчетами о судебном заседании, но... в это время Пантелеев был уже на свободе. Ему помог бежать не фанатик-эсер, как это изображалось в фильме «Рожденная революцией», а специально внедренный питерскими бандитами в тюрьму человек. В ночь с 10 на 11 ноября 1922 года во всей тюрьме вдруг погасло электричество. Пантелеев, Гавриков, Рейнтон (Сашка Пан) и Лысенков (Мишка Корявый) покинули камеры и спокойно спустились по винтовой лестнице с четвертого этажа, миновали главный пост, прошли в комнату для свиданий, выбили там стекло в окне, выскочили во двор, потом перелезли через двухсаженную стену (и все это – вчетвером!) и скрылись никем не замеченными... Странная история, не правда ли, уважаемый читатель? Особенно коли учесть, что везде дежурили постовые. Даже если в тюрьме и были одна-две бандитских внедренки, остальные-то сотрудники не могли все разом вдруг ослепнуть и оглохнуть!

Вот тут уже начался настоящий бум вокруг имени Пантелеева, весь Питер встал на уши. Милиция и ЧК – естественно, тоже. А шайка Пантелеева между тем снова начала раздвигать прохожих на улицах. Сам Фартовый все больше нервничал, психовал, налегал на наркотики и водочку, у него развивалась маниакальная подозрительность и тоскливое предчувствие скорого конца. Один он уже не ходил. В притонах и ресторанах его постоянно сопровождали два телохранителя. В карманах тужурки Пантелеева всегда два взведенных револьвера, он готов стрелять в любого, кто вызывает у него малейшее подозрение. Именно так погибли инженер Студенцов и его жена – Леньке показалось, что Студенцов достает револьвер.

9 декабря 1922 года Пантелеев и Гавриков попали в засаду у ресторана «Донон». И вновь Фартовому удалось уйти. Петроград уже просто кипел от слухов – люди в открытую говорили, что милиция в доле с бандитами, поэтому Пантелеев неуловим. На стенах питерских домов стали появляться издевательские надписи, типа: «До 10 вечера шуба ваша, а после 10 – наша!» Стоит ли говорить, что и это «творчество» молва приписывала Пантелееву, хотя он, скорее всего, к нему никакого отношения не имел. Леньке было не до шуточек. Он хотел одного – быстрее сорвать какой-нибудь крупный куш и уйти за кордон. Страх постепенно превратил Пантелеева в полусумасшедшего, которого стали бояться даже ближайшие подельники. Во время налетов на квартиры Ленька теперь безжалостно стрелял в незащищенных людей. Видимо, убийствами Фартовый пытался заглушить свой собственный ужас. Особо зверским было убийство семьи профессора Романченко, проживавшей в доме № 12 по Десятой роте Измайловского полка, – там расстреляли всех, не пожалели даже собаку.

Между тем правоохранительные органы, получив информацию о намерении Пантелеева уйти за кордон, поняли, что медлить больше нельзя. В местах возможного появления Фартового были организованы засады (то ли 27, то ли 28 засад – для тех времен это более чем круто). Наиболее «перспективным» местом считалась хаза на углу канала Грибоедова и Столярного переулочка, которую содержал некто Климанов, дальний родственник Леньки. В ночь на 11 февраля 1923 года Фартовый действительно пришел туда, но увидел сигнал тревоги – горшок с геранью. Видимо, его успела выставить на окно одна из сестер Леньки, то ли Вера, то ли Клавдия – их обеих тогда арестовали на этой хазе. (Сестрички-то были, кстати, еще те штучки – они вместе с Ленькой иногда участвовали в налетах.) Отстреливаясь, Пантелеев ушел и на этот раз, но запас его везения кончился.

По агентурным каналам чекисты получили информацию о том, что в ночь на 13 февраля по адресу Лиговка, 10, состоится сходняк, на котором должен быть и Пантелеев.¹⁷ В последний момент кто-то вспомнил, что у Мишки Корявого, ускользнувшего из засады у Климанова вме-

¹⁷ Этот дом до революции принадлежал министру двора Его Императорского Величества барону Фредериксу, который сам там, естественно, не жил, а сдавал его внаем. Репутация этого адреса была, прямо скажем, совсем не баронская – в нем постоянно гудели притоны, малины и т. д.

сте с Ленкой, есть любовница-проститутка, некая Мицкевич, проживавшая по адресу Можайская, 38¹⁸. На всякий случай засаду послали и к Мицкевич, но, поскольку Фартового ждали на Лиговке, на Можайскую отправили самого молодого сотрудника, Ивана Бруско, с двумя преданными красноармейцами. По закону подлости Пантелеев, проигнорировав сходняк в доме барона Фредерикса, явился как раз на Можайскую. Бруско и Пантелеев выстрелили друг в друга почти одновременно, но фарт Фартового закончился – он промахнулся, а вот пуля молодого чекиста Вани была смертельной... Мишку Корявого удалось взять живым, в эту же ночь на Международном проспекте был задержан и Александр Рейнтон. На 10-й роте Измайловского полка милиция арестовала супругов Лежовых – наводчиков Пантелеева...

Вот и вся история про банду Пантелеева. Питерцы не верили, что он убит, и властям пришлось пойти на беспрецедентный шаг – выставить его труп на всеобщее обозрение. А в воровской среде еще долго ходили легенды про где-то спрятанные клады Пантелеева...¹⁹ А одна легенда, связанная с Пантелеевым, дожила и до наших дней. Якобы где-то то ли в ФСБ, то ли в милиции, в каком-то закрытом музее хранится до сих пор заспиртованная голова Фартового. Поверить в это трудно, но в 1995 году автору довелось услышать эту легенду из уст одного довольно большого милицейского чина. Более того, этот чин утверждал, что он лично ВИДЕЛ голову Пантелеева²⁰.

После ликвидации команды Ленки Пантелеева питерский бандитизм пошел понемногу на спад. Нет, конечно, до полной стабилизации было еще очень далеко. Грабежи, убийства, разбои продолжались, хотя и размах был уже не тот. Продолжатели традиций Белки и Фартового не успевали, что называется, набирать вес. В конце весны 1923 года появилась в Петрограде банда некоего Эмиля Карро, промышлявшая все теми же самочинками с поддельными ордерами угрозыска, но уже в начале июля того же года эта команда, состоявшая из шести человек, была взята по адресу Малый Царскосельский проспект, д. 36, кв. 73. Сам Эмиль пытался оказать сопротивление и даже вынул револьвер – но все это как-то вяло, неубедительно, без того молодецкого задора, что отличал бандитов прежних веселых лет. Менялось время, менялись и уголовные темы. В моду вновь начали входить преступления ненасильственного характера, НЭП оживил деловую жизнь в городе, у людей опять появились деньги – всплыли и мошенники с ворами. С начала 1923 года питерских любителей дешевых бриллиантов стала беспощадно кидать шайка фармазонов, возглавляемая неким Лебедевым. Принцип их работы был крайне прост. Жертве где-нибудь на улице предлагалось купить бриллиант по очень смешной цене. Человек оставлял фармазону денежный залог и отправлялся к ювелиру для оценки. Ювелир, естественно, устанавливал, что бриллиант изготовлен из хорошего стекла, а мошенник с залогом к тому времени уже исчезал. Шайка Лебедева была достаточно крупной. В ней состояло более пятидесяти человек, но к середине лета 1923 года ее практически полностью ликвидировали. Ожились и городушники – специалисты по кражам с магазинных прилавков.

¹⁸ Этот район, от Загородного проспекта до Обводного, до революции назывался Семенцами – из-за находившихся поблизости казарм лейб-гвардии Семеновского полка. До революции эти места считались одними из самых криминогенных кварталов Питера.

¹⁹ В 1990-х годах точно такие слухи будут ходить в Питере про сокровища бандита Мадужева, приговоренного в 1995 году к расстрелу и прославившегося своим «тюремным романом» со следователем прокуратуры Натальей Воронцовой, передавшей преступнику в «Кресты» револьвер для побега. Людям свойственно верить в романтические тайны, но скорее всего и у Пантелеева, и у Мадужева никаких сокровищ остаться не могло. Жить в розыске, когда на тебя идет настоящая охота, – очень дорого. Нужно постоянно менять жилье, документы, одежду, платить взятки, платить за информацию, за оружие...

²⁰ Казалось бы, очередной миф? Однако во втором выпуске документальной программы «Следствие вели...», премьера которой состоялась 27 января 2006 года на телеканале НТВ, в финале этой, посвященной Пантелееву передачи, профессор СПбГУ Вадим Петров действительно продемонстрировал на камеру емкость, в которой в заспиртованном виде хранится некая голова. По утверждению Петрова, это действительно та самая голова, что была отрезана от мертвого тела налетчика и на некоторое время выставлена для всеобщего обозрения (опознания) в витрине одного из магазинов на Невском.

Среди них в авторитете были вору старой закалки некто Длинный и Литов-Николаев, откликнувшийся, впрочем, на еще несколько фамилий.

Поскольку в сейфах разных учреждений стали появляться деньги, активизировались и питерские шнифера, потрошители шкафов и сейфов. Команда Григория Краузе и Петра Севастьянова только с июля по октябрь 1923 года вскрыла несгораемые шкафы в десяти государственных учреждениях, похитив в общей сложности 168 425 рублей.²¹ В эту компанию входил знаменитый Георгий Александров, по кличке Жоржик. Когда в ноябре 1924 года всю шайку арестовала милиция, Александров начал косить под душевнобольного и сумел сбежать из психиатрической больницы. На свободе Жоржик продолжал с маниакальным упорством взламывать сейфы трестов и кооперативов до мая 1925-го, когда его с двумя помощниками все-таки удалось задержать. Параллельно с шайкой Краузе – Севастьянова – Александрова теми же, в принципе, проблемами занималась команда Морозова (по кличке Кобел) и Галле (у этого помимо «дополнительных» фамилий Дубровский, Бабичев, Галкин была еще достаточно оригинальная кличка – Альфонс Доде). Эта дружная семья шниферов базировалась вокруг пивной «Кострома» на Крюковом канале, хозяйкой которой была Наталия Бахвалова – женщина, безусловно, приятная во всех отношениях, а вдобавок еще и надежная скупщица краденого. Кроме того, в эту же воровскую вязку входили известный гастролер из Москвы Ермаков (он же Изразцов, Притков и Тимофеев), Петров (по кличке Кирбалка), Тихонов (Васька Козел), Грицко (Шурка Матрос). Запасной штаб-квартирой этой милейшей компании заведовал старый вор и скупщик краденого Кургузов, откликнувшийся на прозвище Кузьмич. Кстати говоря, квартира этого Кузьмича, находившаяся недалеко от «Костромы» на Крюковом канале, была в то время одним из самых крупных пунктов сбыта краденого в Питере. Однако развернуться по-настоящему и эта организация не успела – всю шайку ликвидировали весной 1925 года.

Тем временем в Питере подрастала новая, «талантливая и перспективная», молодежь. Нечто вроде организации юных уголовников попытался создать на Васильевском острове некий Алексей Кустов по кличке Кукла – так его прозвали за чрезвычайно миловидную внешность. Алексей был таким хрупким и изящным, что, как правило, его принимали за подростка не старше 12 лет, хотя Алешке было уже около 16. Кукла происходил из семьи с крепкими уголовными корнями – его отца расстреляли за грабеж еще в 1919 году. Два его брата были опытными рецидивистами, сестренка тоже профессионально занималась воровством. Когда Кустов оказался на улице, он не растерялся, а принялся строить из детей-беспризорников настоящую законспирированную шайку со строжайшей дисциплиной и четким разделением труда. Одни его подчиненные крали из домов, другие – из магазинов, третьи шарили по карманам. Для поддержания дисциплины в организации Кукла всегда держал при себе здорового туповатого амбала по кличке Комендант, который, не задумываясь, избивал нарушителя по Алешкиному сигналу. Позже Кукла подрастет и станет достаточно известным и авторитетным взрослым вором. Похожая организация существовала и на Петроградской стороне, в трущобах беспризорников в районе Гатчинской улицы, и на Лиговке. Имена юных лидеров Петроградки затерялись, а лиговской шпаной верховодили такие яркие представители нового поколения, как Володька Зубоскал, Сашка Букса, Ванька Кундра и Витька Бобик.

Что же касается действительно серьезных взрослых банд, то к середине 1920-х годов их осталось совсем немного в Ленинграде – по крайней мере по сравнению с первыми лихими послереволюционными годами. Причин этому несколько: и ужесточение политики карающих органов, приведшее к физическому уничтожению цвета питерского бандитизма, и эмиграция тех, кто успел скопить хоть какой-то капитал, и общая переориентация преступного мира на менее насильственные преступления. Одними из последних могикан классического питерского огнестрельного бандитизма стали братья Лопухины – Борис, Павел и Николай, начавшие

²¹ Сбытчиком краденого у этой компании, кстати, был некто Юдель Левин – беда прямо с этими Левиными, ей-богу.

свою карьеру летом 1924 года. Борис и Николай Лопухины в течение почти всего 1925 года грабили винные магазины, артельщиков и инкассаторов. В конце 1925 года они были схвачены, но 6 февраля 1926 года Павел Лопухин напал на конвой, сопровождавший братьев в тюрьму, и отбил их, убив старшего конвоира. Пару дней братья металась по городу, отстреливаясь от погонь, но вскоре все трое были вновь схвачены. По приговору суда Бориса и Николая расстреляли, а Павел получил 10 лет...

Правоохранительные органы всё усиливали нажим на криминогенные районы. В августе 1926 года начался разгром лиговской шпаны, получивший название «чубаровского дела». Тогда были задержаны, а позднее расстреляны несколько лиговских хулиганов, изнасиловавших девушку в саду между Лиговкой и Предтечинской.

...А несколько месяцев спустя, в ноябре, сотрудники ленинградского угро, при поддержке вооруженных курсантов военных училищ, разгромили на Лиговке трактир «Бристоль» – тогдашнюю штаб-квартиру уголовного, всех мастей, элемента. (Территориально – квартал нынешней станции метро.) С высоты прожитых лет, возможно, и невелико событие, кабы не одно «но» – мифология гласит, что силовой спецоперации предшествовало мероприятие «оперативное внедрение». Которое даже в современных учебниках по ОРД признается «вершиной оперативно-розыскной деятельности».

Мало того: в бандитскую малину тогда был внедрен не просто молодой, без году неделя, сотрудник, так еще и был он, извините за мой французский, бабой: Мария Евдокимова, работавшая легенду «хипесница», умудрилась втереться в доверие к хозяину заведения и на протяжении некоторого времени профессионально подсвечивала внутреннюю и внешнюю политику лиговского уголовного контингента. И когда собранные бесстрашной девушкой сведения превратили изначально куцее КНД «Бристоль» в полномочное ОПД²², была дана громогласная команда: «Фас!..» К слову, задерживали лиговскую братву жестко, в итоге – прямо на месте завалили не менее пяти человек, включая крутого авторитета Пашу Кторова, по прозвищу Цыган.

...Лиговка еще пыталась как-то огрызаться, создав в начале 1927 года «Союз советских хулиганов» под предводительством некоего Дубинина – бандита старой закалки. «Союз» угрожал убийствами и поджогами в отместку за приговор чубаровцам, в эту организацию входило несколько десятков блатарей; но дисциплина у них была слабой, тягаться с окрепшей милицией они уже не могли. Довольно быстро «Союз советских хулиганов» был разгромлен, и его члены ушли в лагерь...

В 1930-е годы, если верить городским газетам того времени, по части криминала в Ленинграде царили тишь, гладь да божья благодать. Между тем уголовная преступность в то время была ничуть не меньше, чем в годы НЭПа. Более того, по некоторым позициям наблюдался даже рост преступлений, что явно шло вразрез с линией партии, обещавшей искоренение уголовщины в самом ближайшем времени (в течение одной-двух, максимум трех пятилеток). Так, если в 1923 году в городе на 100 тысяч человек было зарегистрировано 13,8 случая убийств, то в 1933 году этот показатель составлял цифру 14,5. Впрочем, справедливости ради следует отметить, что в отличие от бандитского лихолетья начала 1920-х, десятилетие спустя до 70 % убийств в Ленинграде совершались исключительно на бытовой почве.

Конечно, нет-нет да и случались в городе и жуткие кровавые преступления, совершаемые еще недобитыми бандитами и уличной шпаной, не желающей заниматься строительством социализма. Имели место и серийные убийства в духе нынешних маньяков и отморожков. Например, в середине 1930-х по городу прокатилась череда дерзких убийств с ограблениями.

²² Здесь КНД – контрольно-наблюдательное дело, ОПД – оперативно-поисковое дело.

Всего их было совершено двенадцать, а преступником оказался молодой рабочий А. Лабутин, который, лишившись в результате несчастного случая на производстве руки, по-видимому, немного тронулся и умом, возомнив себя чем-то вроде сверхчеловека. В соответствии с классическим литературным аналогом, его последним преступлением в 1935 году стало убийство старушки топором. Правда, мотив данного преступления, в отличие от сюжета Достоевского, был намного банальнее – молодой человек убил свою родную бабушку, которая отказалась дать ему денег на развлечения.

Если подонки типа Лабутина существуют, что называется, вне эпох, а посему с подобного рода преступлениями можно столкнуться и в наши дни, то следующий пример сегодня покажется чем-то абсолютно невероятным. В 1939 году ленинградская милиция раскрыла убийство, совершенное дворником, – он отомстил жиличке, которая часто жаловалась на грязь во дворе. Представьте себе, уважаемый читатель, какая могла бы начаться резня, если бы сотрудники городских жилищно-коммунальных служб начали столь бурно реагировать на заявления и жалобы горожан? Слава богу, у нынешних работников метлы нервы не в пример покрепче будут.

Однако наибольшую головную боль сотрудникам ленинградской милиции доставляли молодежные «шпанские» группировки и уличные хулиганы. Сбиваясь в небольшие, мобильные группы, преступники, на вооружении которых помимо традиционных финок нередко состояли свинчатка и бритвы, вели себя дерзко и нахально. Ленинград буквально захлестнула волна хулиганства, с которой не могли совладать милиционеры, усиленные нарядами комсомольцев, ежедневно по призыву партии патрулировавших улицы города (притом что суммарная численность таких нарядов достигала 600–700 человек ежедневно). Традиционно самой дурной репутацией пользовались Лиговка, район пивной на углу улицы Шкапина и Обводного канала, сад Госнардома.

Так, в конце июня 1932 года весь Ленинград следил за делом «петергофской саранчи». Группа подростков в районе проспекта Огородникова изнасиловала работницу галошного завода. Это преступление потрясло общественность. 1,5 миллиона рабочих города и области через печать требовали от органов суда и прокуратуры применения высшей меры социальной защиты, расстрела, по отношению ко всем участникам этого преступления. Процесс, который открыто слушался три дня, с исчерпывающей яростью, как писали тогда ленинградские газеты, вскрыл, как «в каждую щелку пролезает устойчивый враг, чтобы оторвать менее устойчивые кадры молодежи от комсомола, превратив их в свою базу». Осуждению подверглись не только «недостойные звания рабочего», но и плохая деятельность милиции и организаций, занимающихся работой с детьми и подростками. В результате пятеро девятнадцатилетних подсудимых были расстреляны, остальные получили от пяти до десяти лет исполнительно-трудовых колоний.

Летом 1940 года состоялось еще несколько показательных процессов, аналогичных делу «петергофских». За групповые изнасилования в Октябрьском, Приморском и Василеостровском районах судили молодежные группы численностью от 6 до 12 человек. Трудящиеся города настаивали на ликвидации хулиганства: «хулиганы на собственной шкуре должны испытать жестокие удары советского правосудия».

Однако даже беспрецедентно высокие (особенно по нынешним меркам) срока уголовной ответственности за участие в подобных преступлениях не могли сдержать бурного роста уличного группового хулиганства. Между тем начиная с 1937 года практически все хулиганские дела стали классифицироваться как контрреволюционные преступления (ст. 58 УК РСФСР). Отныне в действиях хулиганов при желании можно было запросто усмотреть политическую подоплеку. А ну как они «пытались запугать лучших ударников, чтобы подорвать дисциплину на социалистическом предприятии»? Впрочем, политический подтекст к концу 1930-х стал

усматриваться в большинстве совершаемых преступлений, а судебные заседания все чаще стали перерастать в показательные публичные процессы над вредителями и врагами народа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.